

18+

ЮЛИЯ МАКС

ДАХШТАЙН

MAINSTREAM МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

**Юлия Макс
Дахштайн**
Серия «Mainstream.
Мистический триллер»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69758890
Дахштайн: роман / Юлия Макс: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-158420-7*

Аннотация

В двадцать один год получить в наследство целый особняк в Праге. Мечта? Дэниэль – тринадцатый потомок чернокнижника доктора Фауста, обречен служить дьяволу и еще не знает об этом. Однако об этом знают ведьмы, Люцифер и тайный ватиканский орден. Все они начинают охоту за его душой и его наследием.

Сможет ли Дэн противостоять злу и выжить? Что если искушение настолько сладко, а сотворенные грехи настолько черны, что не оставляют права на искупление?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	48
Глава 4	68
Глава 5	94
Глава 6	124
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Юлия Макс

Дахштайн

Mainstream. Мистический триллер

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

© Юлия Макс, 2023

© Яна Слепцова, иллюстрация на обложке, 2023

© Мария Вой, внутренние иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Aut inveniam viam aut faciam.

Или найду дорогу, или проложу ее сам.

Из окон старого корабля-отеля, навечно пришвартованного к пристани, я смотрел, как Влтава, переливаясь в ночных красках серебристой змеей, вползала под своды Карлова моста. Раздирая веревку на руках я понимал, что на этот раз мне не выбраться. Снаружи слышался гул забитых машинами улиц. Я представлял, как нормальные жители Праги празднуют Рождество и кладут подарки под пушистые елки, дети на улице кричат: «Ежишек, приходи!», – а взрослые едят запеченного карпа и суют рыбью чешую в кошельки.

Колокол на соборе святого Вита пробил двенадцать раз, началась ночная месса, а значит, через полчаса полоумные фанатики принесут меня в жертву как какого-то ягненка.

Я задергался еще сильнее, пытаюсь освободиться, когда услышал медленные шаги по скрипучей деревянной палубе.

«А все началось с дурацкого сна», – только и успел подумать я, прежде чем дверь каюты распахнулась и в проеме показался высокий худой силуэт.

За три месяца до этого

Напротив зеркала стояла девушка с янтарными¹ глазами и копной рыжих волос. Волнистые пряди падали, закрывая

¹ Янтарный цвет глаз, который является разновидностью карего, очень большая редкость. Янтарные глаза обычно яркие, ясные, с очень сильно выраженным золотым тоном всей радужной оболочки. Истинно янтарные глаза, которые могут напоминать глаза волка, практически не встречаются в природе (здесь и далее прим. автора).

грудь, и виднелись только розовые соски. Вниз от пупка змеились ссадины и кровоподтеки.

Что чувствовала незнакомка, глядя в зеркало? Ужас? Или наслаждение?

Ее лицо застыло венецианской маской.

Парень за ее спиной разглядывал отражение. Поднял руку, ласково провел по девичьему плечу, задел рыжие локоны, а после со всей силы сжал горло.

* * *

Я выплыл из сна и вытер потный лоб, коснувшись гладкого шрама над бровью. Курить хотелось до зуда в горле. Сигарет не было – я ведь бросил.

Уже две недели мне снился один и тот же сон о девушке, которую я избивал, а затем душил. Провел рукой по всклокоченным волнистым волосам, резко выдохнул, успокаивая взбесившийся пульс. После первого сна проснулся в испуге, но спустя несколько дней начал испытывать возбуждение, наблюдая со стороны, как моя рука сжимает горло нагой красотки. Я начал думать, что со мной что-то не так. Может, пришло время записаться к психотерапевту?

Сон преследовал с тех пор, как я прилетел в Прагу из Калифорнии на съемки сериала. Помню, как был до смешного горд, что меня, выпускника Университета Лос-Анджелеса, сразу пригласили первым помощником режиссера.

– Почему они снимают в Праге? – глупо спрашивал я у сидевшего рядом друга. Глупо потому, что стоило самолету приземлиться, как меня прошибло восхищением. Казалось, средневековой готикой здесь был пропитан даже воздух. Я пропал – влюбился в город с первой минуты. Следующие дни посвятил погружению в живые декорации. Наслаждался прогулками по узким улочкам, вдыхал ароматы глинтвейна и сладкой выпечки, слушал орган в соборе Святого Вита. Старинная брусчатка казалась мне плитками шоколада, отполированными временем и тысячами пар ног восторженных туристов. До невозможности красиво!

Где-то под кроватью взорвался мелодией мобильный.

– Привет, – прокряхтел я, вставая.

– Дэн, бегом на студию! У нас ЧП! – как всегда энергично завопил Фил Митсон.

Я запустил руку в волосы и зевнул. Мне стало интересно, что такого могло стрястись за выходные. На студии с многонациональной командой и чешским руководством еще не привык то к слишком медленному ритму, то к четкому быстрому забегу, словно я снова в Америке. Чехи и в быту, и в работе были слишком медлительные, что шокировало меня в первые дни, а спустя время стало раздражать.

– Дэ-э-э-эн! Не спи, дружище! Проблема с главной актрисой: никто не видел ее со среды. Съемки горят. Приезжай! Главный рвет последние волосы и хочет вместе с тобой срочно присмотреть замену. Я позвонил в агентство, и все сво-

бодные актеры будут прослушиваться у нас пару дней.

Слушая друга, я прошлепал к холодильнику и застыл от удивления у открытой дверцы.

– Мира вроде собиралась в Альпы, покататься на лыжах с новым парнем, – вспомнил я счастливое щебетание актрисы, которая, будь ее воля, могла выдавать более ста тысяч слов в минуту, рассказывая о себе.

– Говорят, она не вернулась. Мобильный выключен, и парень пропал вместе с ней. Сегодня на киностудию звонили родители Миры. Дэн, все серьезно, – звучал в трубке обеспокоенный голос Филадельфии.

Странно. Девушка была ответственной и пунктуальной, чем по-хорошему бесила нас, творческих людей. Последний год я тоже стал более аккуратным и собранным, чего не скажешь про Филадельфию, который любил хаос во всем.

– Буду через двадцать минут, – на ходу запрыгивая в джинсы пообещал я.

Меня поселили в квартиру-студию в районе Летняны, которая принадлежала «Баррандову». Минимализм я любил. В «быте»² не было ничего вычурного, только самое необходимое: шкаф-купе у стены, рядом кровать. Комнату от кухни отделяла сквозная книжная полка, куда я успел купить несколько томиков по истории Праги на английском и учебник чешского для начинающих. Одно лишь зеркало, висящее в коридоре, выбивалось из общего стиля своей анти-

² Byt (чеш. «быт») – квартира.

кварной рамой.

Погладив по привычке гладкий крест серьги, которую подарила бабушка на восемнадцатилетие, я выглянул в окно. Чернильное пражское небо сегодня гремело тучами. Я весело хмыкнул. Поистине непредсказуемая погода в Чехии – дождь, жара и ветер могли сменять друг друга каждый час. В коридоре застрял, распутывая ненавистные длинные шнурки на кроссовках.

В зеркале мелькнула рыжеволосая тень. Невольно вздрогнул и подошел, вглядываясь в отражение. Показалось. Дурной сон, вот и мерещится всякое. Я соорудил второму себе рожицу и показал язык. Очень взрослый поступок! Но никто ведь не видел, правда? На ободке старинной рамы я заметил то, чего вчера не было. Странный отпечаток, будто рука, тронувшая ее, была испачкана грязно-желтой гуашью. Провел пальцами по раме и понюхал. Похоже на серу. Хм-м... Может, зеркало привезли откуда-то с барахолки?

Я перестал гадать, когда увидел который час, и поспешил на работу. Меня не покидала надежда, что Мира объявится, ведь она идеально подходила на эту роль.

Этот же день, лечебница Сент-Мишель. Лос-Анджелес

– Guten Tag, Frau Faust³.

Лицо женщины дернулось от испуга, но она поспешила

³ Guten Tag, Frau Faust (нем.) – Добрый день, фрау Фауст.

скрыть это. Грета поднялась, с достоинством отряхнув землю с колен. Она пересаживала розы на лужайке перед зданием лечебницы. Садоводство входило в список разновидностей труда, рекомендованных людям с психическими проблемами. Недалеко прогуливался охранник, который следил, чтобы пациенты не навредили себе или другим.

– Добрый. Чем обязана? – спросила Грета на немецком.

Лицо мужчины казалось Грете знакомым, вот только где она его видела, не могла вспомнить.

– Фрау Фауст...

– Миссис Чейз, – поправила она.

– Прошу прощения. Я пришел, чтобы поговорить с вашим внуком, но не могу его найти в городе.

Как бы Грета ни готовилась к этому дню, она не смогла сдержать дрожи. Их все-таки нашли под другой фамилией, на другом конце света.

Покойному сыну повезло, на него Орден не успел обратить внимание. Теперь Дэну предстояло расплатиться вдвойне. Как себя вести и что сказать, она знала. Репетировала почти всю жизнь, сразу после прочтения дневников предка.

– Внук уехал путешествовать, мистер... Могу я узнать ваше имя? – она немного кокетливо улыбнулась, но мужчина не включился в игру.

Грета внутренне подобралась, ожидая от визитера чего угодно. Возможно, внука найдут в Праге. Главное, чтобы это произошло как можно позже. Дэниэлю двадцать один, нуж-

но потерпеть полгода до следующего дня рождения и надеяться, что судьба будет к нему благосклонна. Миссис Чейз не хотелось посвящать Дэна в семейные тайны, но, похоже, она откладывала это так долго, что могла теперь и не успеть.

– Мистер Трим. Я представляю интересы одного итальянского общества. Думаю, вам известно его название. Скажите, пожалуйста, куда он уехал? Место, город?

– Вы же понимаете, что я не выдам местонахождение моего потомка?

Он сжал и без того тонкие губы так, что очертания рта почти пропали с хмурого лица.

– Вашего? Он потомок Фауста, и вы это знаете. Сына не уберegli, так дайте нам спасти Дэниэля.

– Это был несчастный случай! – вспыхнула Грета.

Открытие, что Орден следил за семьей, разбередило старые раны, которые с годами не заживали, грозясь поглотить миссис Чейз.

– Ну конечно!

– Дэн не нуждается в вашем спасении! Я защитила его.

– Сегодня я не настаиваю, но скоро за вами придут, и разговор примет совсем другой оборот. Даже стены сего заведения не смогут уберечь вас. Подумайте.

Он протянул визитку, задержав кусок картона в пальцах, когда Грета уже взяла ее.

– Надеюсь на ваше благоразумие. Времени почти не осталось.

Дэн

Утро понедельника в Праге – всегда нудные пробки, изви- вающиеся гигантским питоном. Я нервно стучал пальцами по рулю, слушая радио. Фразы диджея на чешском вызвали невольную улыбку.

– Venku je hnusně. Takže těšíme se na hezké počasí⁴.

Язык казался мне сложным, но отзывался внутри тепло- той.

На время пробок я придумал личное развлечение: наблю- дал за водителями и пассажирами соседних машин. Пред- ставлял по их внешности кто они, чем занимаются. Рисовал в голове своеобразные сценарии их жизни. Фил не понимал тяги воображать чужие драмы или комедии, а мне нрави- лось.

Я снова вернулся мыслями к пропавшей актрисе. Вспом- нил, как друг ухлестывал за ней. Фил слишком много вре- мени уделял охоте на девиц. Иногда я в шутку называл его маньяком, но надеялся, что исчезновение Миры не свяжут с Митсоном, все-таки они тесно общались, даже когда у де- вушки появился постоянный парень.

Неделю назад мы обедали в «Кнедлине», и я случайно стал свидетелем разговора, которого не должен был слы- шать:

⁴ – Venku je hnusně. Takže těšíme se na hezké počasí (чеш.) – на улице дерьмовая погода, так что ждем хорошей.

– Мир? Ты приедешь сегодня? – хрипло шептал Фил, пока остальные киношники делали огромный заказ за столом.

Я как раз выходил из уборной, а они стояли возле, за тонким простенком.

– Не могу! Я же сказала, что вчера был последний раз. У меня есть Ван Ли, и он мне нравится, – рассерженно прошипела девушка.

Злилась она, вероятно, из-за того, что они расставались уже десятый раз.

– Да брось! Неужели он может быть лучше меня?!

– Отвали!

Я хмыкнул: «Ничего себе, страсти-то какие», – и, как заправская сплетница, продолжил подслушивать.

– Скажи, что совсем не хочешь меня! – потребовал уязвленный друг.

Послышалась возня, и до моих ушей донесся звук пощечины. Я с трудом удержался от смеха. Филу редко отказывали. Возможно, это к лучшему. Он словно пес на сене – серьезных отношений избегал и девушке не давал шанса на другого парня. Чертов эгоист! В душе я всегда немного завидовал его любовным похождениям, хотя осознавал, что не хотел бы такого. Это не имело смысла.

Павильон «Баррандова», пражской киностудии, сегодня оглушающе пустовал. Я успел лишь припарковаться и подтянуть сползающие без ремня джинсы, когда появился Фил. Он больше походил на боксера среднего веса, чем на парня

из съемочной команды. Широкие плечи, квадратная челюсть и короткая стрижка лишь дополняли образ. Все это вкупе с сощуренными глазами цвета опавшей листвы притягивали к нему противоположный пол так сильно, словно Фил был последней моделью смартфона, которую ждали из года в год.

– Вот ты где! – хлопнул он меня по плечу, отчего я поморщился.

Мы были в разных весовых категориях. Если Фил – накачанный красавчик, знающий себе цену, то я в сравнении с ним – худосочная стеснительная мямля. «Красавец и тощее чудовище», – смеялась над нами стервозная бывшая Митсона.

Я тогда пожимал плечами – никогда не придавал большого значения своей внешности. Хотя кому я врал? Конечно, в свои двадцать один мне хотелось выглядеть мачо. Но не судьба!

Друг щелкнул пальцами перед моим носом:

– Ау! Земля вызывает Дэна. Где ты снова витаешь? Пошли, кастинг уже начался. А нет, подожди!

У меня была поразительная способность: любая обувь на шнурках бунтовала против завязывания. И всегда, всегда шнурки правой ноги развязывались через пару минут быстрой ходьбы. Что я только ни делал, чтобы одолеть их, но все усилия были напрасны. Только Фила забавляло это еще с детства. И так уж повелось, что он чувствовал ответственность за меня, как за названного брата. Плевать, что кто ду-

мал: Фил всегда приседал на корточки и мастерски завязывал непослушные шнурки. Лишь после укрощения им те держались и какое-то время не бунтовали против законного хозяина.

Справившись со шнурками, мы поспешили на пробы.

Ни одна из девушек не была настолько хороша, чтобы подойти на роль. Главный режиссер страдальчески закатывал глаза и тихо матерился.

– Бездарности! Сплошные бездарности!

Он обернулся в сторону стажеров, потрясая руками.

– Вот раньше были актеры! – Главный от переизбытка эмоций активно жестикулировал. – Спецэффектов было ноль, а фильм держался на актерском мастерстве! Сейчас у каждого фильма качественные спецэффекты и монтаж, а таланта в людях ноль целых ноль десятых!

– Кхм... – отвлек нас робкий девичий голосок. Очередная актриса с порядковым номером в руках.

– Представьтесь, пожалуйста, – попросил я девчонку.

Она показалась мне мелкой, но стройной. Какой-то серенькой, похожей на воробья.

– Элишка Чернова, – бесстрашно заявила воробышек.

– Прочитайте, пани Чернова, реплики, которые лежат на столе, – вежливо попросил я, разглядывая ее.

Что-то в ней было. За, казалось бы, невзрачной внешностью скрывался омут таинственности. Создавалось впечатление, что она специально скрывает свою привлекательность

до нужного момента.

Когда актриса стала не просто читать реплики, а именно играть роль, меня пробрало до мурашек. У ее английско-го был необычный акцент, не такой, как у чехов, что лишь добавляло остроты выступлению. Главный взволнованно подался вперед, стараясь не упустить эмоции, которые отражались на лице Элишки. Войдя в роль девушка преобразилась в драгоценность – таким ярким ощущался контраст между сеньской внешностью и мастерством. Едва пани Чернова закончила, все зааплодировали.

Меня настолько захватила ее игра, что нечаянно вырвалось:

– Вы приняты, пани.

Но потом я спохватился и, дождавшись одобрительного кивка от главного, повторил:

– Мы с радостью берем вас на эту роль! Поздравляю!

Пока Элишка заполняла необходимые документы для контракта, все суетились и обсуждали новый график съемок.

– Дэниэль, проведи экскурсию для новенькой, – хитро улыбаясь, главный сплавил меня, подозреваю для того, чтобы снова сделать замечание Филу.

И я догадывался почему. Друг не оставлял без внимания ни одну мало-мальски симпатичную актрису.

– Мисс Чернова, вы уже бывали на «Баррандове»? – вежливость наше все.

Воробышек суетливо запихала документы в рюкзак и по-

мотала головой.

– Я из Словакии. Обычно снимаюсь в местных сериалах. В Праге впервые.

Девушка светло улыбнулась, и мое сердце забилося быстрее. От улыбки на щеках у Элишки появились милые ямочки. Засмотревшись, я молчал как дурак.

– Если знаете интересные факты, я бы послушала про «Баррандов». Люблю истории мест, они придают им важность и шарм. И давай на «ты».

Я отмер и кивнул:

– Конечно, знаю. Пойдем.

Мы вышли из павильона для проб и не спеша двинулись по улочке.

– Киностудия была основана в тысяча девятьсот двадцать первом году, а само здание было построено в начале тридцатого года двумя братьями: Вацлавом и Милошем Гавел...

Элишка удивленно воскликнула:

– Вацлав Гавел же был президентом Чехии?

– А вот и не этот Вацлав, а его сын станет первым президентом Чехии. Сегодня «Баррандов» – одна из самых крупных и старых киностудий в Европе. Четырнадцать огромных павильонов, которые ты видишь впереди, построены по аналогу с Голливудом, даже место для студии братья выбрали из-за сходства.

– Ничего себе! Как интересно, – кивнула девушка, чем подбодрила меня, и я продолжил:

– Братья Гавел были хитрецами, на мой взгляд, потому что продумали все факторы при создании киностудии, – я жестикулировал, а воробышек жадно слушала, наивно хлопая ресницами.

– Расскажешь?

– Первый плюс – ландшафт студии. На территории есть ровные участки, есть холмы, поле с видом на лес и разрушенные многочисленными войнами стены замка – в общем, все, что только можно представить. Некоторые холмы созданы природой так, что если снимать их с определенного ракурса, то не будут видны линии электропередач или намеки на современность. Исторические фильмы на природе снимают спокойно без выезда куда-то за территорию киностудии. – Я остановился на минуту, чтобы оценить реакцию собеседницы, и снова продолжил: – Еще один плюс – расположение в черте города. Когда в фильмах участвуют большие звезды, они всегда живут в отелях Праги, а так как оплата у них немаленькая и почасовая – скорость, с которой они могут добраться от гостиницы до съемочной площадки, играет немаловажную роль.

– Согласна насчет плюсов. Ну, вот меня поселили, – она взглянула на визитку, которую держала все это время в руке, – в отеле на окраине Праги. Эх, значит, до большой звезды мне еще расти и расти, – пошутила она, и я засмеялся.

После кастинга намечалось собрание всей съемочной группы, чтобы утвердить новый график, поэтому, отбив по-

ложенное время, я решил вечер посвятить прогулке. Легенды Праги, иронично рассказанные случайно нанятым гидом днем, словно оживали с наступлением сумерек. Ночной город служил переходом между реальным миром и другим, мистическим. Не хотелось спешить домой – там все равно никто не ждал, да и особый повод пройтись по мрачным улочкам мне не требовался. Прага ночью словно оголялась, отбрасывая стеснение, притворство и мишуру.

Я понимал, почему в чешскую столицу зачастили американские киношники. Прага оказалась многолика, словно вобрала в себя все эпохи и стили мира, легко, будто по щелчку становясь тем городом, который хотел бы видеть зритель.

Странно, но мне все чаще мерещилась девушка из сна: в отражении витрин сувенирных магазинов, в автобусных окнах и даже на экране мобильного. Являлось ли это наваждением или так выражался стресс от переезда, я не знал, но, помня о болезни бабушки, решил записаться к психологу.

Чешская столица ассоциировалась с моей родственницей: мудрой и стильной. В детстве я представлял ба самым настоящим драконом, который испепелил все ужасы жизни, оградив меня от страданий. Прага напоминала ту же драконицу: черепичные красные крыши были ее крыльями, а брусчатка – гладким серым брюхом.

Я вдыхал запахи бурлящей Влтавы и мог подолгу наблюдать за смешными драками лебедей и уток, стремящихся получить кусок булки от щедрых туристов. За время, про-

шедшее с прилета, я исходил каждую улочку старого города. Иногда брел бездумно, теряясь в узеньких проходах, иногда двигался по навигатору, целенаправленно идя к костелу⁵ или другой достопримечательности.

Здесь я часто нырял в воспоминания о своем детстве. Возможно, в сравнении с тем, как жил сейчас, я вспоминал соседский стол на лужайке. На нем всегда стояли джем и свежие хлебцы. А я тогда часто ничего не ел сутками. Проходя мимо того стола, сглатывал голодную слюну. Стыдливо оглядываясь крался, чтобы зачерпнуть чайную ложечку джема. Но останавливался, зная, что воровать плохо, и, втянув аромат персиков, плакал и шел домой. То время прошло, но воспоминания о голодном детстве все еще терзали меня, поэтому теперь я покупал что-то вкусное, пока гулял, и всегда возвращался в съемную квартиру с едой про запас.

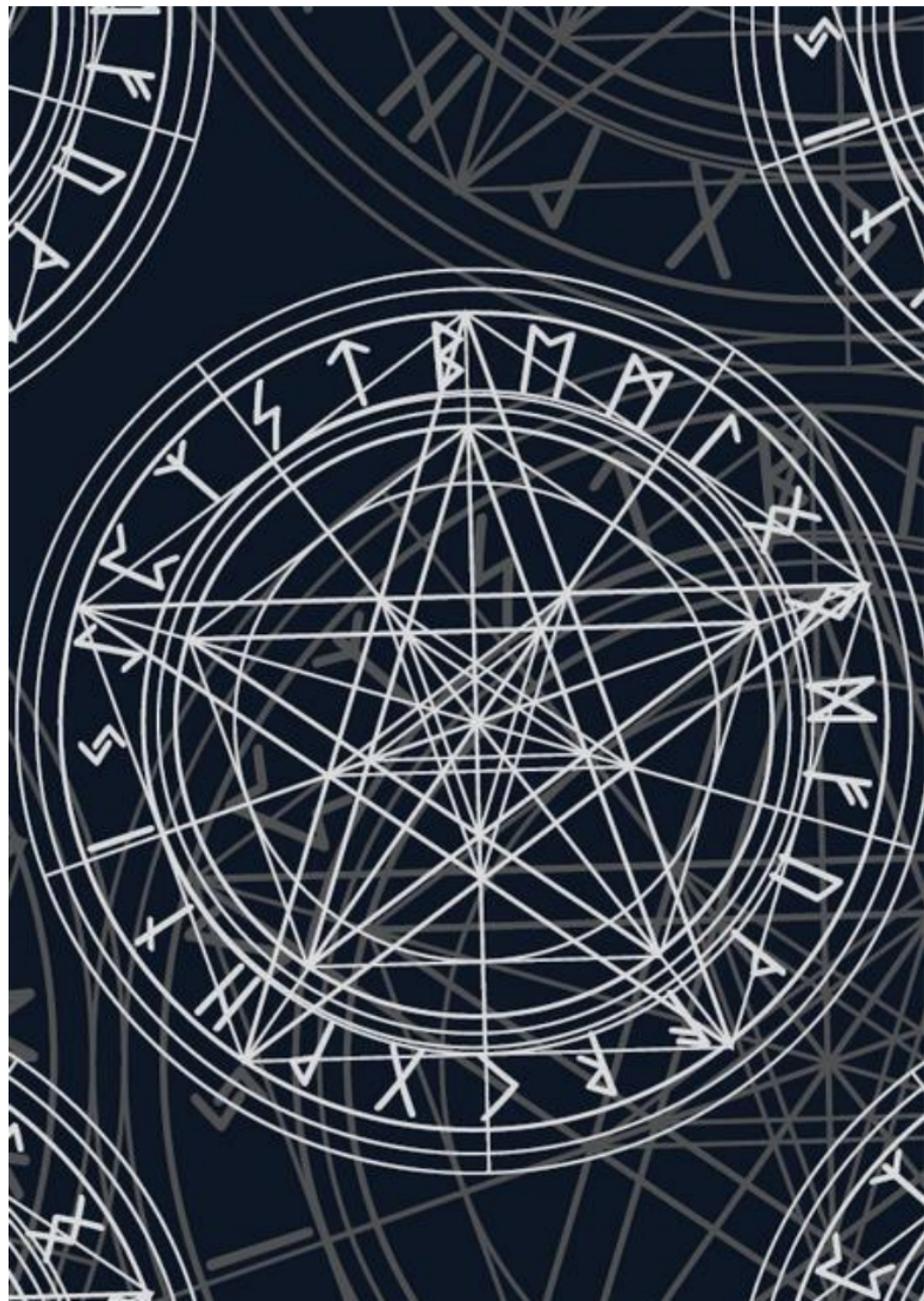
⁵ Костел (от лат. *castellum* «укрепление») – слово в польском, украинском, чешском, словацком и силезском языках, обозначающее католический храм. В чешской культуре слово используется в отношении церквей всех христианских конфессий.

Глава 2

Mundus vult decipi, ergo decipiatur.

*Мир жаждет быть обманутым, так пусть он
будет обманут.*

Два дня спустя

Подземный архив Ватикана

Мужчина, сидевший за столом, окруженный книжными стеллажами и обложенный папирусами, походил на живую статую. Его лицо застыло. Он слушал собеседника, чей нервный баритон раздавался из динамика телефона. Лишь некогда яркие синие глаза мужчины недовольно сузились, прежде чем он ответил:

– Ты должен был найти мальчишку, а не доводить миссис Чейз до срыва.

– Он в Праге. Все сложилось, как и должно было.

– Пришло время вручить Дэниэлю его наследство. Я вылетаю ближайшим рейсом...

Дэн

Новый день на киностудии принес странные новости. Все началось с короткой планерки и репетиции серии с пани Черновой. Элишка великолепно играла, а я, вместо того чтобы наслаждаться, прокручивал сон с рыжеволосой девушкой, которая вновь появилась с наступлением ночи. Тогда все казалось таким реальным. Я слышал прерывистое дыхание, когда сжимал тонкое горло, ощущал сладковато-дымный аромат ее локонов.

«Черт!» – я помотал головой и сел за аппаратуру, но не успел сделать ни одной правки, как раздался звонок с про-

ходной.

– Мистер Чейз! Вас хотят видеть два пана. Говорят, они из адвокатской конторы.

– Эм... – растерялся я, перебирая в памяти сразу все свои нарушения правил на чешских дорогах. Стоп. Это же адвокаты. Не дорожная полиция. – Можете впустить, я встречу.

– Дэн, ты чего? – мечтательно улыбаясь, подошел Фил.

Похоже, игра мисс Черновой зацепила друга, и он уже строил планы на новый служебный роман.

– Сейчас узнаем, – кивнул я на сторожа, который вел двух мужчин в одинаковых похоронных костюмах. Отличие составляли лишь круглые очки на переносице одного и портфель в руках у второго.

– Дэниэль, Филипп, прошу, не задерживайтесь! Вы нужны на площадке, – крикнул главный, спеша на съемку.

От нас зависело многое, и когда спрашивали, в чем состояла работа на площадке, мне хотелось ответить: «Абсолютно во всем». Режиссер должен был продумывать ответы на вопросы: как выглядят герои в кадре, что происходит с их мыслями и эмоциями в этот момент, какая музыка будет звучать и когда. И это только часть. Еще нужно обсудить со всеми членами команды, как это реализовать. Умножьте все вышеперечисленное на сто страниц сценария и получите приблизительное представление об объемах работы режиссера.

– «Людей в черном» напоминают, – шепотом прокомментировал друг, чем отвлек меня от размышлений.

Мужчины молчали, ожидая моих действий. Я смутился, впрочем, как и всегда, когда мне было не по себе.

– День добрый, господа. Чем обязан? – кивнул я им наконец.

– Мистер Чейз, полагаю? Дэниэль Чейз? – официальным тоном уточнил «портфель».

Я сдавленно кивнул. Сколько ни старалась ба, но меня трясло каждый раз, как я видел людей в строгих костюмах. Грета Чейз провела не один день в разговорах со мной, пытаясь убедить, что страх – это нормально и естественно, как и мужество с ним встретиться.

– Можно ваше удостоверение личности? Хотелось бы говорить с вами конфиденциально, – произнес мужчина в очках.

Я замаялся, а Фил выступил вперед, закрывая меня от них, точно адвокаты представляли для меня угрозу.

– По какому праву он должен вам что-то предъявлять?

– Филипп останется, – вставил я и оглянулся на друга, чтобы увидеть его легкий кивок. Чуть приободренный, я снова вернул внимание мужчинам.

Они переглянулись, словно общались на языке жестов. «Портфель» взял слово:

– Мы долго искали вас, мистер Чейз. На это ушли годы, поэтому очень хорошо, что вы оказались в Праге. Такая удача!

Коридор наполнился шумом: группа сценаристов вышла

с планерки, мешая мне слушать адвоката.

– Прошу вас, пройдемте в кабинет, – попросил я, распахивая дверь в святая святых нашего шефа.

Пока они садились, я, стараясь не пялиться, исподтишка рассматривал юристов. Тот, что с кожаным портфелем, присев, поставил его на пол, а руки положил на стол, ладонями вниз. Мое внимание привлекла массивная серебряная печатка на левой руке, которая очень выбивалась из сдержанного образа мужчины. Я не успел рассмотреть, что же на ней изображено, потому что, заметив мой интерес, юрист накрыл руку с перстнем второй.

– «Каплан и Ко», – представился он. Мне протянули визитку, перегнувшись через стол. – Мы представляем нотариальную контору, которая существует с шестнадцатого века. Сейчас мы лишь выполняем последнюю волю вашего предка.

Он вытянул из безупречно гладкого кожаного портфеля пачку скрепленных документов и протянул мне.

– Что это? – прозвучало слишком заинтересовано, и это не укрылось от их внимания.

– Читайте, – улыбнувшись уголком рта, попросил мужчина в очках.

Так я пробежал глазами первую страницу и нахмурился. Бабушка настояла на изучении немецкого языка, и я зубрил его, хоть он мне и не нравился. Весь текст первой страницы был на немецком, и я смог уловить суть.

– Дэн? – заинтересованно протянул Фил и сунул нос в документы.

Я сжимал листы дорогой плотной бумаги и думал. Фамилия бабушки по отцу – Фауст. Ба сменила ее на американскую, когда вышла замуж, да и не в почете тогда было все немецкое. То, что я, судя по бумагам, являюсь потомком знаменитого доктора Иоганна Фауста, о котором ходит столько небылиц, и представить не мог. Ну, фамилии одинаковые, такое часто встречается. В документах был мой университетский тест ДНК на этническое происхождение, который я сдавал в рамках научной работы соседа. Это было буквально перед отлетом в Европу. С ума сойти! Невероятно! Это как если бы я прямо сейчас полетел на Луну.

Я положил листы на стол, пальцы дрожали от волнения. Мне необходимо было успокоиться и еще раз прочитать странное завещание Фауста, – кто бы мог подумать, моего предка. Фил хмурился, он предпочел не нависать надо мной, а сесть рядом. Подтащил стул к продолговатому столу для собраний, взял листы у меня из рук и шепотом спросил:

– Ни черта не понимаю. Что в них?

– На двадцатой странице можете прочесть полное завещание, для удобства переведенное на английский, – отозвался мужчина в очках, обращаясь к Филу.

Я послушно нашел указанную страницу, вчитываясь и стопорясь от невероятности событий. Я тринадцатый потомок, указанный в бумагах. Предок, судя по написанному, за-

вещал мне старый особняк в Праге. Ох, неужели? Нет, не может быть! Быстро посмотрел адрес. Да, это был он. Знаменитая достопримечательность – мистический Дом Фауста.

Фил за моим плечом восхищенно присвистнул.

– Что, того самого Фауста? Вот круто! Но... как же налоги? Они, должно быть, бешеные.

«Портфель» заулыбался, словно ставил на этот вопрос и выиграл:

– Нам дали четкое распоряжение уплатить налог за наследника. На последних страницах документа это указано.

– Вот это уже отлично, – искренне улыбнулся Митсон, пнув меня под столом, чтобы я отмер и хоть что-то ответил.

– Да уж! – только и смог прошептать я.

Я ощутил необратимость происходящего. Словно наследство известного чернокнижника ложилось грузом мне на душу. Непонятная тревога скрутилась пружиной в животе, в горле пересохло, и меня начал душить кашель.

– Мистер Чейз? Вы принимаете наследство? Может, есть какие-то вопросы? – сдержанно поинтересовался мужчина в очках.

– Почему именно сейчас?

– Ваш возраст. Вы должны вступить в права наследования в возрасте двадцати одного года. Таково условие.

Я кивнул, принимая его объяснение. Моя голова была одновременно пустой и забитой мыслями, которые пока не складывались во внятные формулировки.

– Вопросы еще точно появятся, так как я не прочитал документы полностью. К тому же не каждый день человеку сообщают, что он наследник Фауста.

Юристы сдержанно хмыкнули, а я судорожно соображал, как поступить. Голодное детство оставило глубокую зарубку на психике. Я стал запасливым, словно хомяк, у которого зима длилась вечно. Плевать, как и почему Фауст завещал особняк в центре столицы. Он должен стоить сотни тысяч долларов. Посему я подавил желание послать их вместе с документами и растянул губы в наигранной улыбке.

– Я принимаю наследство, – заверил я их, убежденный, что глупо отказываться от целого дома в Праге.

После моих слов адвокаты повеселели и ответно заулыбались так, будто были детьми и увидели Санту, не меньше.

– Тогда прошу вас, поставьте подпись на двух экземплярах. И можете позвонить на неделе, мы договоримся о встрече, где ответим на все возникшие вопросы.

Я послушно поставил размашистую подпись, взяв предложенную ими перьевую ручку. Какая-то зазубрина на ней поцарапала палец, и маленькая капля из прокола упала на завещание.

– Черт! Прошу прощения. У вас кровожадная ручка, – неловко пошутил я.

– Пустяки! Это вы извините. Придется менять поставщика канцтоваров для фирмы, – пошутил один из адвокатов, лучась довольством.

Не пойму, чего они так обрадовались? Может, Дом Фауста должен городу денег за коммунальные услуги или еще что? Что-то не так, а я уже расписался, идиот!

– Оставляем вам копию. И вот, – адвокат выудил из недр кожаного портфеля связку ключей и протянул мне.

– Ключи от Дома Фауста?

Я внимательно рассмотрел связку, но это были совершенно обычные ключи.

– Да. Нужно же вам познакомиться с ним, – подмигнул мне второй, говоря об особняке так, будто он был живой.

Проводив странных распорядителей «Каплан и Ко», мы с Филом вернулись на съемочную площадку. Рабочий день пролетел, словно его и не было, а я все крутил в руках связку ключей.

– Ну что, Дэн? Мы посмотрим на твое наследство?

Митсон еле сдерживал любопытство и уже раз сто перечитал мой экземпляр завещания.

– Потом, друг, потом, – отмахнулся я, уже зная, что пойду туда один.

Не хотелось демонстрировать Филу свои страхи и опасения, он и так много лет оберегал и поддерживал меня. Плюс я эгоистично желал познакомиться с наследством в одиночку. Целый особняк. Нереально! Такое стечение обстоятельств казалось мне почти невозможным. Подобные совпадения бывают разве что в кино и ни в коем случае не происходят в жизни, по крайней мере, не в моей.

Спустя час я стоял напротив Дома Фауста. Вернее, уже моего дома. Особняк чернел окнами, словно огромными паучьими глазами. Ухоженный, по крайней мере, снаружи, он притягивал, заставляя рассматривать вычурные барельефы, потемневшие от времени и оттого еще более мрачные. К особняку номер пятьсот два на Карловой площади слева и справа прижимались другие дома. Казалось, соседи Фаустова Дома совсем не рады такому обстоятельству: стыки стен, где заканчивалось одно строение и начиналось другое, почернели и пошли трещинами.

«Просто взгляну на интерьер», – убедил я сам себя и шагнул ко входной двери. Только старинные двери обладали той самой эстетикой, которая недоступна современным образцам: наполовину деревянная, наполовину стеклянная. Стекло на правой створке оказалось грязным, а дерево на левой – бордовым, словно вымазанным давно засохшей кровью. Дерево начало рассыхаться, и на краске появились светлые прожилки. Я поднес связку ключей к замку, гадая, какой из них мог бы подойти, и случайно взглянул на свое отражение, чтобы тут же отшатнуться. В стекле был не я, а девушка из снов.

Я сделал шаг назад и чуть не навернулся с несчастных трех ступенек. Вернув телу равновесие, снова посмотрел на дверь. Никого, только фрагмент моего бледного лица.

– Эй, ты бы курил меньше! Тормоз! – меня сильно задела плечом, и я снова чуть не упал. Парень, прорычавший это,

вел за руку спутницу. И тут я решил, что моя крыша точно поехала: у девушки были ярко-рыжие волосы и такое же ничего не выражающее лицо, как и у моей незнакомки из сна.

– Дэн?

Я обернулся. Элишка Чернова через дорогу от меня приветливо махнула рукой, смущенно улыбаясь и теребя кончик русской косы. Она выглядела невероятно элегантно в бордовом приталенном пальто, из воротника которого выглядывал черный свитер. Ноги в кожаных лосинах обуты в ботинки на толстом каблуке, наверное, размера тридцать пятого – очень изящные.

Я пересек разделяющее нас расстояние и ощутил, что настроение стремительно улучшилось.

– Тоже гуляешь?

Она кивнула, и на щеках появился милый румянец.

– Хотела понять, почему все так Прагу любят. – Элишка рассмеялась. – Но пока не поняла. Город как город.

Я притворно схватился за сердце, смешно, как мне казалось, гримасничая.

– Ты меня убиваешь! Как можно не любить ее? Пойдем! – взяв за ладошку, я потянул девушку в сторону Староместской площади.

Попутно шутил и рассказывал, как заблудился здесь в первый раз, свернув не туда на узких улицах. Элишка забавно морщила нос и смеялась над моими злоключениями.

– Слушай, а что ты там делал? Возле того старого дома?

– Эм... Ждал друга, а он не пришел, – соврал я.

– О! Так я помешала. Ты можешь позвонить ему, я совсем не против компании.

Я замялся, проклиная свой язык и Филадельфию, хотя тот не был виноват. Пока нет. Пришлось звонить.

– Дэн? Все-таки хочешь, чтобы я сходил с тобой в Дом Фауста? – весело спросил Фил в трубку.

– Я сменил местоположение. Фил, подтягивайся к Пражским курантам. И я не один, а с мисс Черновой, – выпалил я.

На другом конце восхищенно зацокали, а я подавил раздражение, сжимая смартфон вспотевшими пальцами.

– Друг! Ну надо же! Вот это удача. Буду через двадцать минут, а может, и раньше.

Я скривился, но быстро взял себя в руки и повернулся к Элишке, уже широко улыбаясь.

– Фил скоро будет.

– Отлично! – восхитилась она, а я приуныл, ссутулившись.

– Красивые часы, – девушка достала мобильный из кармана пальто, чтобы сделать фото. Тонкие пальцы с овальными ноготками, окрашенными в цвет верхней одежды, быстро набрали пароль и защелкали камерой смартфона. Я заставил себя оторваться от ее рук, находя их самыми сексуальными из тех, что видел в жизни. Ветер, мерзавец, донес до меня запах духов Элишки: легкая сладость вишни и что-то древесное. Отступил на шаг и возмутился, уцепившись за ее

последние слова.

– Красивые? Они уникальны! Самые старые астрономические часы из существующих в мире, которые до сих пор работают. Только представь, они почти никогда не останавливались.

– Да ладно! – ахнула она.

– Лишь несколько раз. Поэтому существует предание: если останавливаются «орлои»⁶ – быть беде. Мастеру, который их создал, выкололи глаза, чтобы он не смог создать копию для другого заказчика. По легенде, конечно же.

Элишка коснулась рукава моей куртки и приоткрыла рот от изумления, а затем придвинулась ко мне, словно желая быть ближе и лучше слышать.

– Знаешь, никогда не любила легенды, но ты преподносишь их с такой страстью, что история цепляет.

Я польщенно улыбнулся, чувствуя, как сердце радостно колотится в груди, а само присутствие Элишки ударяет в голову, будто бокал шампанского.

– Обожаю историю и легенды. Моя бабушка привила любовь к ним.

Этот момент можно было назвать восхитительным – симпатичная девушка ловила каждое мое слово и в особо кровавых местах рассказа хватала в испуге за ладонь. Я чувство-

⁶ *Pražský orloj* (чеш.) – пражские куранты, или «орлои», средневековые башенные часы, установленные на южной стене башни Староместской ратуши в Праге. Третьи по возрасту астрономические часы в мире и старейшие, которые все еще работают.

вал себя совершенно счастливым, но всего лишь полчаса.

– Вот вы где!

Фил приобнял меня и Элишку за плечи, сияя довольной улыбкой.

– Привет, – кивнула мисс Чернова.

– Так и знал, что найду вас возле какой-то архитектурной вычурности вроде этих часов. Эли, он тебя еще не заболтал своими историями?

– Он хорошо рассказывает, – Элишка сняла руку Фила со своего плеча. Меня это порадовало.

– Пойдем, выпьем чего-нибудь за знакомство? – друг лучился энергией, и мы слаженно кивнули.

– Как насчет «Абсентерии» – предложил Фил, бросая на меня предостерегающий взгляд. Он знал, что собутыльник из меня никакой. Алкоголь я переносил только в мизерных количествах.

– Ой, нет. Я точно не буду его пить, – девушка скривилась от отвращения.

– Кафе или ресторан?

– Кофейня, – уверенно заявила Чернова, чем понравилась мне еще больше. Кофе был и моей страстью.

– Тогда вперед. Дэн – кофейный маньяк и знает, где разжиться вкусным напитком.

Я засмеялся.

– Если честно, самый вкусный кофе рядом – в «Старбаксе» на Малостранской площади, поэтому предлагаю прогу-

ляться туда.

Так мы дошли до Карлова моста, где Элишка застыла, рассматривая Староместскую мостовую башню.

– Тоже любишь готику? – спросил Фил, незаметно подмигивая мне.

– Не особо, – она пожала плечами, – но то, что вижу сейчас, мне нравится. А здесь всегда такие возбуждающие аппетит запахи?

Я кивнул. Пахло отлично. Свежий осенний бриз Влтавы смешивался с запахом корицы и ванили горячих трдельников, что продавали на каждом шагу. К этому запаху примешивался аромат жаренной свинины на вертеле, которую выставляли прямо на улице, привлекая клиентов в рестораны. Гастро-рай, как выразился Фил в первую нашу вылазку в город.

Мы вышли на мост, вливаясь в толпу туристов: громче всех галдели китайцы, итальянская барышня певуче восхищалась чем-то, перебрасывались репликами немецкие парни. Прелесть Карлова моста в том, что его можно рассматривать вечно и каждый раз находить новые детали, не замеченные ранее.

– Дэн? Расскажешь что-то интересное об этом месте?

Я помотал головой, показывая себе на уши. Слишкомлюдно, а кричать я не любил.

– Позже. Давайте дойдем до противоположного конца.

Пока мы протискивались сквозь человеческое море, я за-

думался, рассматривая Элишку и Фила. Они шли немного впереди, друг взял девушку за локоть и что-то объяснял, наклоняясь близко к ее лицу, а Чернова не возражала. Похоже, у меня нет шансов. Сердце уныло ухало в груди. Появилось желание исчезнуть, чтобы побыть в одиночестве, но я спрятав руки в карманах и продолжал упрямо идти позади. Так мы шли какое-то время.

Я разозлился. Сколько можно спускать Филу то, что он околдовывает девушек, которые мне нравятся? Я догнал ребят и пристроился сбоку от Черновой. Мы как раз достигли Малостранской башни на другом конце моста.

– Ты еще хочешь услышать историю про мост? – спросил я, почему-то ожидая, что Чернова меня сейчас небрежно пошлет, чтобы остаться с Митсоном наедине.

– Конечно! – радостно улыбнулась Элишка.

– Мост, на котором вы стоите, таит в себе множество легенд. – Я оживился и добавил в голос таинственности: – Вот самый занимательный факт о его создании: первый камень заложили в тысяча триста пятьдесят седьмом году девятого июля в пять тридцать один. Дата непростая, ее вычислил пражский астроном по приказу монарха. Король Карл четвертый верил в магию чисел и в то, что мост будет вечен. Числа читаются одинаково с обеих сторон, как палиндром.

– Восхитительно! Кажется, Карл оказался прав. И от статуй невозможно оторвать взгляд.

«Не от статуй. От тебя», – промелькнуло у меня в мыслях,

и я потерял губы, словно запечатывая слова внутри.

– Не все из них оригинальны, лишь несколько, остальные хранятся в казематах Вышеграда, – хрипло продолжил я.

– Оу! А почему?

Девушка и правда заинтересовалась. Элишка смотрела прямо на меня, и я ответил тем же. Ее кофейные глаза, опущенные черными густыми ресницами, околдовывали, и я на секунду забыл, о чем рассказывал.

– В Средние века их вытесали из песчаника, не самого прочного камня, – наконец произнес я.

– Хм. Даже я этого не знал, хотя курс по истории Праги мы слушали вместе, – Фил, как обычно, хлопнул меня по плечу, многозначительно подмигивая.

Ну уж нет! Я хотел съязвить насчет его посещаемости лекций, но запнулся, случайно заметив в толпе рыжие, словно пламя, волосы. По телу пронеслись сотни мурашек, дыхание сбилось, а сердце, замерев на мгновение, зашло во взволнованном стуке.

– Дэн? Идешь? – крикнул Фил, догоняя Чернову, которая ушла вперед, фотографируя мостовую башню.

Черт! Я действительно схожу с ума? Или меня так проняло из-за дурацкого сна?

Выйдя на Малостранскую площадь, мы, наконец, нашли любимый мной «Старбакс». Сделали заказ и заняли столик с видом на остановку красных трамваев.

– Эли, что тебе заказать? – Фил включил джентльмена. Не

успела девушка ответить, как в игру неожиданно для себя вступил я.

– Стой! Не говори. Я попробую угадать: латте на соевом с сиропом?

– Почти. А сироп какой? – лукавая улыбка коснулась губ Черновой.

– Соленая карамель, – выдал я свой любимый вкус, и Элишка удивленно кивнула.

– Откуда ты узнал? В студийной анкете я этого не писала.

– Не пугайся. Угадал случайно. Соленая карамель нравится и мне, правда, не с латте, а с капучино.

Кофе приятно обжигал небо и нес вкус карамели и немного шоколада. Я прикрыл глаза, наслаждаясь напитком. Рядом счастливо простонала Элишка.

– Вкусно!

Фил взял себе эспрессо величиной с рюмку и цедил, иногда непроизвольно морщась от крепости. Он не любил ни кофе, ни горячий шоколад. Его привлекал только чай, но сейчас Фил не хотел выбиваться из нашей компании и мужественно пересиливал себя.

– Эли, а ты всю жизнь прожила в Братиславе?

– Да, но у меня русские корни по материнской линии, – девушка перекинула русую косу на плечо, а я залюбовался тем, как переливались на солнце ее волосы.

– Ты знаешь русский?

– Знаю, конечно. Я гостила у бабушки каждое лето, пока

была маленькой.

Фил от удивления выпучил глаза и замахал руками.

– Вау! Мне кажется, что русский тот же китайский: никогда не выучить!

Я тоже восхищенно подался ближе к ней, чувствуя, как губы сами собой расплываются в улыбке.

– Элишка, ты знаешь стихи русских поэтов? Всегда хотел услышать их на языке оригинала.

– Несколько помню: Есенина, Маяковского, Северянина точно, – усмехнулась эта потрясающая девушка.

– Северянина, – выдохнул я и затаил дыхание.

Был у него один стих, что запал мне в душу, и я мечтал услышать его на русском вживую. Когда-то наткнулся на видео, в котором его цитировали русские. То, что произошло далее, нельзя назвать иначе, чем волшебство или судьба. Из сотни стихотворений она начала цитировать именно то, которое я любил всем сердцем:

– Мы живем, как во сне неразгаданном,
На одной из удобных планет.
Много есть, чего вовсе не надо нам.
А того, что нам хочется, нет...

В храме пахнет свечами и ладаном,
И струится загадочный свет.
Верим в то, во что верить не надо нам,
Ну а веры действительной нет.

И однажды покажется адом нам,
Душный шепот душевных бесед.
Говорим лишь о том, что не надо нам,
А о том, о чем хочется, нет.
Только жизнь ощущаю наградой,

Хоть в течении множества лет.
Снова делаю то, что не надо мне,
Ну а то, что мне хочется, нет⁷.

При первой встрече я назвал Чернову воробышком. А девушка предстала лебедем, когда тот, красуясь, распахивает крылья перед зрителями на озере. Когда Элишка закончила, за столом воцарилась тишина. Фил знал этот стих – я когда-то цитировал его, но на русском он звучал иначе. Глубже. Правдивее. Я ни слова не понял, но узнал бы его из сотни других стихотворений по особой ритмике текста. Ощутил то, что вызывали у меня эти строчки: задумчивость и трепет внутри.

Мы с Филом не сговариваясь захлопали, привлекая к себе внимание соседних столиков.

– Это было красиво! Я ни черта не понял, но красиво, – теплота в голосе друга понравилась девушке, и она искренне улыбнулась, вновь демонстрируя ямочки на щеках.

Ее чуть заметное в начале прогулки смущение исчезло, хотя легкий румянец то и дело украшал лицо. Мне хотелось

⁷ Стихотворение Игоря Северянина «Странно».

рассматривать Элишку постоянно, подмечать эмоции и настроение. «Она мне нравится. Сильно», – понял я.

– Ребят, я в дамскую комнату.

Когда Элишка удалилась на достаточное расстояние от стола, друг наклонился ко мне:

– Дэн, она прелесть! Еще и недотрога. Люблю охотиться за такими.

Вот как он умудряется всего парой слов испортить настроение? Дар, не иначе.

– Не надо! Только не с ней, Фил, – прошипел я и принял, зло цокая ложкой о чашку, размешивать взбитую пенку в остатках кофе.

Друг пораженно приподнял брови:

– Она тебе нравится!

К моим щекам прилила кровь.

– Да, нравится! Оставь ее.

– Эх. Мне Эли тоже по душе, но раз ты запал, так и быть, уступлю.

Фил врал, и я видел это. Слишком хорошо знал его. Когда друг говорил неправду, у него краснели кончики ушей, чем он себя и выдавал.

– Спасибо, – буркнул я.

– Могу помочь. Уйдешь в уборную, а я распишу тебя Черновой в лучшем свете.

– Не нужно! – отрезал я, понимая, что оставить их одних не могу. Фил применит свой тестостерон, и Элишка вмиг со-

гласится на все. Чертов мачо.

– Дэн? Ау! Ты чего, обиделся, что ли?

– Нет.

– А вот и я, – девушка вернулась.

Зазвонил мой мобильный, но я успел заметить, что Чернова накрутила губы нежным вишневым блеском, это ей очень шло. Посмотрев на входящий, я задрожал, зная эти девять цифр наизусть.

Глава 3

Ab aqua silente cave.

Остерегайся тихой воды.

– Слушаю, – ответил серьезно и собранно. Я вышел из кофейни на улицу, подозревая, что разговор будет не из приятных.

– Доктор Бронс из пансионата, – представился медик. – Сегодня ночью у вашей бабушки был сильный приступ. Я прошу вас прилететь как можно скорее, ее состояние ухудшается. Боюсь, скоро она вас не узнает. Мне очень жаль, но терапия не помогает. Нужно ваше разрешение на более сложное лечение.

– Доктор, я прилечу так скоро, как смогу, – сжимая вспотевшей рукой телефон ответил я, лихорадочно просчитывая время, чтобы успеть взять билет, выпросить выходные от съемок и подождать денег за отработанные дни.

– Ваша бабушка... – Он умолк, а я, задыхаясь от волнения, ждал продолжения. – В приступе галлюцинаций она все бормотала про то, что Фаусты должны служить дьяволу вечно. Это ведь что-то из Гете? Она шептала и плакала, звала вас. Писала письма.

– Письма? – переспросил я, хотя прекрасно услышал. Странно. Она всегда предпочитала звонить, чем ждать от меня ответа. Даже электронную почту не признавала.

– Я покажу их вам при встрече, если хотите.

– Да, прошу вас. Мне это важно!

– Хорошо. Я передам миссис Чейз, что вы прилетите, – попрощался он.

Мне хотелось выть от бессилия. Я сдерживался, сжимая кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Бабушка – мой единственный родной человек. Как? Как такая болезнь смогла захватить ее сознание? К этому не было никаких предпосылок.

Помню, как ба поступью вдовствующей герцогини вошла к нам домой. Сильная, уверенная женщина, на которую я смотрел сквозь слезы. Мне девять, я в очередной раз избит до синяков пьяной матерью и стою в углу за то, что плакал и просил есть. Такими побоями она награждала меня почти каждый день, и детское тельце все время украшали фиолетовые, красные и бледно-желтые пятна. Папа погиб в автокатастрофе, когда мне было пять, и после этого маму словно подменили.

В тот день ба холодно разговаривала с родительницей, протягивая ей какие-то бумаги. Позже я узнал, что это документы об официальном опекунстве, оформленном на ее имя. Родственница по отцу забрала меня, испуганного забитого мышонка. Все последующие годы она дарила мне доброту и заботу, воспитывая и наставляя.

Я так и остался стоять возле входа в кофейню. Повернулся и увидел через стекло, как Фил накрыл своей ладонью руку Элишки, поглаживая тонкие пальчики. Горло болезненно сдавило от досады, я замер на месте, наблюдая за ними. Чернова не убрала руку, а с улыбкой слушала Фила, склонившегося к ее порозовевшей щеке.

Интересно, он всегда будет так делать? Я бесился, но здо-

ровье моей ба волновало куда больше, чем то, что лучший и единственный друг вlepил мне моральную пощечину и увел девушку. И я не стал устраивать сцену.

Я уже хотел было вернуться в кофейню, но мобильный снова зазвонил.

– Дэниэль, – чуть помедлив, позвал доктор Бронкс из трубки.

– Слушаю.

– Я поделился с вашей бабушкой радостной новостью о вашем прилете, отчего она... У нее случилась истерика. Миссис Чейз умоляла отговорить вас лететь сейчас. Она была очень убедительна, и, ввиду ее состояния, давайте отложим посещение, хорошо? Не срывайтесь в ЛА. Я в ближайшее время пересмотрю лечение.

Ба не хочет, чтобы я летел к ней. Почему?

– Я понял. Спасибо. Не могли бы вы отправить мне бабушкины письма?

– Я сейчас узнал от помощника, что в отпуск он летит в Прагу. Я мог бы передать письма с ним, – голос доктора был печальным.

– Если вас не затруднит, – пробормотал я, совсем раздавленный новостями.

В трубке завопились, послышался стук:

– Так, минуту... – повисла тишина, я ждал. – Аэропорт Вацлава Гавела, пятница, десять утра. Придете? Миссис Чейз в истерике просила передать вам их, пока мы не дали

ей успокоительное. На данный момент она отдыхает.

– Да! Приду. Скажите, когда я смогу поговорить с бабушкой по телефону?

– В ближайшие дни точно не сможете. Наберитесь терпения, Дэниэль. Я позвоню, когда ее состояние улучшится.

Я попрощался и сбросил звонок. Вернулся к нашему столу. Ребята резко замолчали и посмотрели на меня.

– Дэн? Что-то случилось? Ты бледный.

– Я... Мне нужно съездить в аэропорт. Получить весточку от бабушки. Дальше без меня.

Голос прозвучал скрипучей дверью. В аэропорт только через два дня, но я был не в силах держать лицо и делать вид, что у меня все отлично.

– Поехать с тобой? – Фил отбросил дурашливость и спрашивал как тот друг, которого я любил.

– Не стоит. Я справлюсь.

– Приятно было увидеться, – я мягко коснулся руки Черновой, и она в ответ пожала мою ладонь.

– И мне. Обязательно повторим.

Снова на ее лице от улыбки появились очаровательные ямочки, к которым я захотел прикоснуться губами.

Я вышел из кофейни и быстро направился в сторону остановки. Длинные пражские бело-красные автобусы, словно проворные гусеницы, сновали между легковых авто, чудом, вернее, мастерством водителей не сталкиваясь друг с другом. Пока я шагал вдоль набережной, закатное солнце окра-

шивало воды Влтавы в темно-зеленый цвет. Я не хотел злиться на Фила, но, вопреки рассудку, злился. Иногда, например, как сегодня, он был невыносим.

В отражении окна притормозившего перед светофором автобуса я видел забитого испуганного мальчугана со старческими глазами. Глазами, которые встречали столько несправедливости, сколько нормальный человек не узрел бы и за всю жизнь. Даже в детстве мне казалось, что я родился уже взрослым. Осознание пришло, когда мать впервые ударила меня. С того момента я больше не чувствовал себя ребенком.

* * *

– Эй, оставьте его! – крикнул коренастый мальчик, когда один из обидчиков врезал мне кулаком в скулу. Неожиданный свидетель моего ежедневного позора. Кажется, его звали Филипп. Мальчика перевели в мой класс несколько дней назад. Я чувствовал себя жалким из-за постоянных издевательств и не хотел, чтобы новенький видел, как меня шпыняют.

– Пошел отсюда, пока и тебе не наваляли! – рыкнул здоровяк-старшекласник, который почему-то ненавидел меня больше других.

Он и двое его дружков с первых классов задирали меня. Вытряхивали рюкзак, пытаюсь найти там деньги на ланч или сладости, которые обычно кладут своим чадам заботливые

родители. Я не имел ни того ни другого.

– Я сказал, оставьте его в покое! – и новичок кинулся на них, словно они ему ровесники, а то и младше, не испытывая ни малейшего страха.

Конечно же, он получил сдачи. Нескладный, он дрался так, будто от этого зависела его жизнь. Не боялся получать в ответ тумаки и возвращал их вдвойне. Старшие мальчишки трусили от такого напора. Один против троих. Я же лежал на газоне, еле сдерживаясь, чтобы не заплакать. Прижимал учебники к груди и не мог поверить, что за меня кто-то заступился. К тому, что меня, тощего хлюпика, постоянно задевали старшие мальчишки, я привык. Побои матери ранили в сто раз сильнее. Но то, что новенький постоял за меня, все-таки вызвало целый потоп слез, который я вытирал грязным рукавом куртки.

Была осень, и после длительных ливней землю на заднем дворе школы размыло. Пока обидчики меня толкали, я пару раз упал в грязь. Но не это было страшным, а то, что мама станет кричать и бить за испачканные вещи.

Филипп выглядел уверенным в себе мальчиком, коренастым и крепким. Кареглазый, улыбчивый, с россыпью веснушек на щеках и носу, он мог бы сразу же влиться в банду старших ребят, но вместо этого стал моим лучшим другом с того момента и до сих пор.

Когда задиры бежали, он подошел, трогая одной рукой подбитый глаз, а вторую протянул мне.

– Меня зовут Филипп Митсон, но я не люблю свое полное имя, оно какое-то стариковское. Зови меня Фил, – улыбнулся он.

– Дэн, – все еще всхлипывая и хватаясь за протянутую руку, ответил я.

– Мы, кстати, ваши новые соседи, Дэн. Я вчера случайно увидел через кухонное окно, как твоя мама ударила тебя.

Я снова едва не зарыдал, но сдержался, лишь громко икая. Мои щеки покраснели, а желание убежать сию минуту стало настолько сильным, что я сделал шаг от Фила. Испытывая стыд, я опустил голову, не зная что ответить.

– Мне жаль. Мамы не должны бить детей. С ней я не могу помочь, но те трусы больше тебя не обидят!

* * *

С того дня Фил опекал меня, как старший брат, и я позволял, потому что нуждался в любви. Фил не просто друг – он мой оплот, нерушимый столб поддержки, за который я хватался в детстве после очередной затрещины от матери. Я часто оставался ночевать у него, и мы болтали обо всем на свете. Придумывали, кем станем, когда вырастем.

Родители Фила не раз вызывали службу опеки, пытаясь хоть как-то повлиять на мою мать. Но, как по волшебству, едва они должны были нагрянуть к нам, мама становилась доброй и баловала меня, отчего я оттаивал и начинал верить,

что она изменилась. Перед каждым приходом опеки мама за неделю прекращала пить, и я по-детски наивно полагал, что теперь-то все будет хорошо, и подтверждал, что с мамой хорошо живется. Но после их ухода все возвращалось в прежнее русло.

Признаю, моя доверчивость была глупой, но детское сердце очень хотело, чтобы мама любила меня так же, как любили друга его родители. Семья Митсонов была примером, и я желал иметь такую же. Ночью, лежа в кровати и слушая, как мать кричит в пьяном бреду, я сжимался в комок и думал:

«Почему именно я? Почему такая мать досталась именно мне, а не какому-то другому мальчику? Чем я заслужил это? Я ведь послушный». Только спустя много лет я осознал, что никто не заслуживает плохих родителей, просто их не выбирают.

После того как меня забрала бабушка, мы с Филом так и остались лучшими друзьями. Когда я рассказал, что хочу поступить на режиссуру, друг вначале скривился, но, обдумав и почитав про профессию, решил поступить вместе со мной. Ба хотела, чтобы я пошел по ее стопам и стал историком. Я же ответил, что мечтаю создавать свои собственные миры. Она согласилась, но с условием, что ее предмет я все же сдам «на отлично», буду заниматься в специальном кружке и посещать семинары. Историю я не любил, но в исполнении бабушки она оживала и будоражила ум. Поэтому я учил ее, представляя, что это ба рассказывает какие-то исторические

факты в присущей ей манере. В университете уже я старался присматривать за другом, таскаясь за ним на дурацкие вечеринки, чтобы он ни во что не вляпался.

Только ступил в квартиру, как завибрировал телефон. Я выключил звук, чтобы не пугаться каждого звонка. Почему-то теперь прежде любимая мелодия напоминала о болезни бабушки.

– Дэн? – раздалось в трубке.

– Думал, не услышу тебя до завтра, – нервно ответил я и облегченно выдохнул, отбросив опасения, что мобильный звонил снова из-за ба.

– Эли слила меня! – возбужденно кричал друг. – Что за девушка, ты представляешь? Ты ушел, не прошло и пяти минут, как и она умчалась домой.

– Хоть у кого-то есть мозги, – пробормотал я, улыбнувшись.

Я прошел в коридор, разулся и направился в комнату. Оглядев залитое закатным солнцем помещение, включил кофеварку.

Митсон тем временем сопел в трубку. Значит, Фил Элишке не так интересен, как она хотела показать. У меня снова появился шанс, раз Фил обломался. Я ликовал, чувствуя зуд в руках и ногах. Грудь распирало, словно сердце увеличилось в размерах.

– Мозги? Твой сарказм неуместен. Но, черт возьми, она стала для меня только желаннее. Так мне еще не отказывали.

Я закрыл глаза. Кому как не мне это знать?

– Кстати, она расспрашивала о тебе. Не настойчиво, но все же я выложил ей немного о нашем знакомстве в детстве. Не знаю, как так получилось. Зато ты, брат, заработал несколько очков в ее глазах.

– Ну да. Несколько очков жалости. Зачем вообще нужно было об этом трепаться?

Я сделал себе кофе и оставил на столе, чтобы остыл. И снова ощутил яркий стыд, вспоминая, как меня били мальчишки на том злополучном школьном дворе. Скривился, злясь на себя за это чувство и на Фила за то, что впервые он выболтал мои детские тайны. Я часто задышал, ощущая пульсацию в горле.

– Прости, само вышло. Ты... Ты в порядке? Что с миссис Чейз? Выкладывай!

Я громко сглотнул ком и прикрыл глаза, уговаривая себя не паниковать всякий раз, как думаю о бабушке.

– Все плохо. У нее снова случился приступ. Доктор Бронс настаивает на более сильных препаратах, просит подписать разрешение на это.

– Мне жаль, Дэн. Правда! Она идеальная бабушка.

– Знаю! Мне тоже. Ты извини, мне сейчас нужно почитать документы по этому случаю.

Я не хотел болтать. Горло сдавил новый спазм. Будто до этого болезнь не была настолько реальной, а после моих слов стала.

– Хочешь, я приеду?

– Нет. Но спасибо. До завтра.

Я сполз по дивану на пол и обнял колени, прислонив телефон ко лбу. Что мне делать? Обдумав все за и против, решил все-таки купить билеты на самолет после того, как прочитаю послание от ба.

Следующие несколько дней прошли в ожидании писем.

Элишка и правда выказывала заинтересованность мной, но уже второй день как я бегал от нее, словно олень от охотника, петляя по многочисленным коридорам «Баррандова». Фил, конечно же, заметил мои маневры.

– Ты чего прячешься от девушки? Помнится, когда мы гуляли, ты был счастлив заполучить ее внимание.

– Я пока не могу. Жду писем от ба и нет настроения.

Мой голос дрогнул от вранья, но друг посчитал, что это от тревоги за родственницу, потому что взгляд у него сделался сочувствующий.

– В Дом Фауста уже ходил?

– Нет, – снова соврал я. – Как читаю, что написала ба, тогда.

– А почему просто не позвонишь ей? – недоумевал Фил.

– Да не берет она трубку! А сто раз названивать доктору Бронсу я считаю слишком навязчивым. Когда пытался вчера, у него как раз был сеанс психотерапии.

Я теперь уже по-настоящему взволнованно махал руками, объясняя это.

– Пока жду.

Фил так нахмурился, что между бровей остались заломы.

– Странно это все. Дождись писем – и, если не дозвонишься до миссис Чейз, отпрашивайся у главного и слетай домой.

– Так и сделаю.

Настала пятница, и я, отбыв положенное время на съемках, уехал за письмами. Служебную машину я брал не каждый день, иногда катаюсь на метро и автобусах, чтобы лучше проникнуться местной атмосферой. Но сегодня как раз тот случай, когда авто было единственным вариантом.

Аэропорт Вацлава Гавела являлся для меня непостижимым феноменом. Огромный, где-то на двадцать футбольных полей, он встречал и провожал сотни рейсов в сутки. Кажется, такая громадина должна полниться шумом, но нет – зайдя внутрь, ты погружаешься в тишину. Чисто и малоллюдно, словно он работает только для тебя одного. Я понимал, что за организацией рейсов и потока людей следила толпа специалистов, но восхищался подобным эффектом еще при первом посещении.

Объявили рейс, и я застыл возле импровизированного коридора, который создавали турникеты с протянутыми через них черными лентами. Ученика доктора Бронса я узнал сразу же. Мы виделись в пансионате, когда я навещал ба перед отъездом.

– Дэниэль? – он махнул рукой, второй держа сынишку лет пяти, а из-за его плеча выглядывала симпатичная полнень-

кая девушка, видимо, его жена.

– Здравствуйте!

– Сейчас, – он порылся в рюкзаке, выудил три чуть при-
мятых конверта и протянул их мне.

– Спасибо.

– Только не принимайте написанное вашей родственни-
цей близко к сердцу, – зачем-то предупредил он.

Я было хотел перебить его, но он опередил:

– Нет-нет, я не читал. Но знаю, что люди с подобным рас-
стройством склонны к выдумкам.

Я кивнул, в душе несогласный, что ба могла написать бред. Попрощавшись, я поспешил домой, то и дело отрывая взгляд от дороги и косясь на конверты, лежащие на пасса-
жирском сиденье.

Залетел в квартиру и осадил сам себя. Почему-то когда де-
ло касалось моей семьи, я дрожал и нервничал как истеричка. Заставил себя не спеша снять обувь, переодеться и при-
нять душ. Стоя под горячими струями воды, которая разби-
валась на миллионы капель, сталкиваясь с телом, зачерпнул
горсть соли для ванны с запахом мяты и лайма. Намочил ее и
поднес к носу, вдыхая успокаивающий аромат. Большинство
людей пили бы успокоительные, но меня вполне приводила
в норму соль.

Аккуратно вскрыл три конверта, решил не спешить и чи-
тать по очереди. На каждом стоял порядковый номер. Взгляд
зацепился за первые строки, и я полностью погрузился в

ПИСЬМА.

«Дорогой мой мальчик.

Знаю, ты считаешь меня выжившей из ума старухой, но это не так. Я лишь хотела уберечь от страшной судьбы, которая тебе предначертана. В то, что напишу дальше, трудно поверить, но ты постарайся!

Ты знаешь, сколько книг и легенд написано о твоём предке – докторе Фаусте. Якобы он был чернокнижником, алхимиком и магом, что продал душу дьяволу и вынужден был служить ему вечно. Мой мальчик, частично это правда.

Частично потому, что Фауст обладал гениальным умом и смог избежать служения темным силам. Осталась одна лазейка, которую он не учел, а может, не хотел прощитывать на поколения вперед. Его потомки не обязаны дьяволу, но подвержены его влиянию. Семья Фауст может служить темному ангелу и наделена частичкой сверхъестественных сил. Мы способны видеть то, что недоступно обычным смертным – как проводники и усилители темных сил в мире живых. Поэтому будь осторожен. Тебе двадцать один, а это значит, что искушение уже началось. Борись, прошу тебя, борись! Ты лучше того, каким ты себя видишь во снах. Прости, что не рассказала раньше. После всего, что ты пережил, я не хотела рушить твою жизнь и не думала, что нас все-таки найдут. Писать и звонить мне не нужно. Сейчас ты не веришь, но обязательно найди способ прочитать письма два и три. Будь сильным и ни за что, повто-

рю, ни за что не уезжай из Праги!»

– Что за бред, бабушка? – ошеломленно выдохнул я, потерев уставшие глаза.

Развернув следующие два листа бумаги, я вообще ничего не понял. Бумага, испещренная знаками, походила бы на древний свиток, если бы послание не было написано современной гелевой ручкой. Загадочные символы были похожи и на китайские иероглифы, и на клинопись одновременно. Они слишком четко начертаны, не дрожащей рукой пожилой женщины. Может, это писала не она?

– Почему мне нельзя уезжать из Праги, ба? – в голос спросил я, дергая крест на серье.

Черт! Черт! Черт!

Что все это значит? Бабушка реально сошла с ума? Какие проводники, какие темные силы? Она же историк, прагматик и вообще атеистка. Мне хотелось сейчас же купить билет на самолет и, вернувшись в ЛА, расспросить ее обо всем. Но ее состояние и этот строгий наказ не прилетать... Я не мог его нарушить. Или это какая-то игра?

Не выдержав, я набрал доктора Бронса, но мне ответила лишь голосовая почта, сообщившая, что в данный момент он не может говорить. Точно! Хотя нет. Разница во времени девять часов, у них сейчас одиннадцать утра. «Наверное, на сеансе с пациентом», – решил я и позвонил бабушке, но абонент оказался недоступен.

Прокручивая в голове строки из письма, я лег на диван. Снова перечитал первое письмо, пытаюсь разгадать, что же имела в виду моя родственница, и не заметил, как провалился в сон.

Ночью вернулась рыжая красотка. Сновидение и реальность перемешались. Сегодня она указывала рукой на зеркало, в котором, словно старый фильм, крутились события прошлого, может, даже другого века.

Отражение показывало часть мрачного кабинета с резными стульями и парчовыми шторами. Я видел шкаф без дверей, в котором стояли банки с неизвестным мне содержимым. Колбы, лампы. Множество мелких склянок с надписями на латыни на этикетках. Я даже слышал шум цокота копыт, который раздавался по брусчатке рядом с полуоткрытым окном.

– Пан Фауст, желаете чего-то еще? – откуда-то из темноты кабинета подобострастно спросили мужчину в костюме эпохи Возрождения. У него были темные вьющиеся волосы, собранные в хвост, и аккуратная бородка. Очевидно, я видел именно Фауста, потому что запомнил его лицо на гравюрах и старых портретах в книгах бабушкиной библиотеки. Тот мужчина в зеркале был похож на него.

Доктор сидел за столом, держа перед собой чашу с жидкостью, напоминающей кровь. Рядом лежали несколько открытых толстых фолиантов и тетрадей. Напротив него стояло зеркало, из которого шагнула она, девушка моих снов.

Рыжеволосая была нага. Фауст лихорадочно потянулся к ней, пальцы его тряслись от желания прикоснуться, и она позволила.

Молодой доктор гладил и стискивал ее кожу, скребя ногтями и оставляя красные следы, после чего зацеловывал царапины, точно одержимый. А рыжая просто стояла, опершись о стол. Запрокинув голову, она, казалось, наслаждалась своеобразными ласками. На прежде безразличном лице девушки мелькали эмоции, словно звезды, которые случайно показывались из-за плотной облачной завесы. Я смотрел на нее и не мог отвести взгляд, обездвиженный зрелищем. Меня бросало в жар, внутри растекалось покалывание и приятное ноющее чувство, распространяющееся от паха по всему телу. Я дрожал от возбуждения.

Когда распаленный Фауст потянулся к завязкам на своих брюках, рыжая, вывернувшись, порезала свою ладонь, затем накапала крови в чашу. Все так же молча она взяла чашу с кровью и поднесла к губам Фауста. Не отрывая горящего взгляда от девушки, доктор выпил все.

– Прибери за собой, – приказала она бархатным тоном, уходя.

Ракурс сместился, я понял, что имела в виду девушка. На кушетке возле стола, которую я до этого не видел, лежал человек с перерезанным горлом, залитый собственной кровью. Дикость какая! Я отвернулся от зеркала, ощущая тошноту. Руки сами собой прикрыли горло, будто защищая. Стук

сердца отдавался в ушах, а язык онемел, как бывало перед подступающей рвотой. Хорошенько оттолкнувшись ногами, я понесся подальше от зеркала, но, оглянувшись, понял, что бегу на месте. От отвращения и ужаса резко проснулся и сел на постели.

Я должен во всем разобраться, иначе меня тоже можно отправлять в психушку!

Глава 4

Pacta sunt servanda.

Договоренности должны соблюдаться.

Этим же вечером. Грегор Ниотинский

Грегор сделал знак хранителям, и оба двинулись навстречу гуляющей паре. Переулок Старого города⁸, внутри которого жались друг к другу средневековые дома, был почти пуст и заканчивался тупиком.

– Вечер добрый! – вежливо поздоровались с супружеской четой два громилы и перегородили им дорогу.

– Добрый. Разрешите пройти, – мужчина, ученик доктора Бронса, нервно попытался прикрыть собой жену. Тощей спины не хватало, чтобы защитить супругу целиком.

– Мистер Крем, пара вопросов – и вы свободны, – Грегор приблизился и учтиво прикоснулся к полям шляпы, здороваясь. Этим вечером он не выглядел как кардинал-епископ, всего лишь хорошо одетый приезжий.

Хранители показали оружие, отодвинув полы пиджаков. Ученик Бронса выпучил глаза и сглотнул, его кадык задвигался под кожей, будто большая картофелина.

– Я говорила тебе, что шататься по Праге ночью – плохая идея! – негромко взвизгнула его миловидная супруга.

– Что вам нужно? Наличных нет, но я отдам карту, только не трогайте нас!

Грегор обманчиво обаятельно улыбнулся.

⁸ *Staré Město* (чеш. «Старэ Мнесто», «Старе-Место») – Старый город – исторический район Праги в районе Прага 1 на правом берегу реки Влтавы.

– Оставьте деньги при себе, мистер Крем. Лишь скажите, что вы передали Дэниэлю Чейзу.

Ученик Бронса поджал губы, а потом все же ответил:

– Три письма от психически нестабильной родственницы.

– Что в них?

– Я не читал, – оскорбился будущий доктор.

Улыбка Ниотинского стала понимающей.

– Полно вам. Думаю, все же читали, хотя бы из чисто научного интереса.

– Хорошо. Первое про Фауста, того, что из Гете. А другие два написаны на языке, который ни я, ни доктор Бронс не смогли определить. Миссис Чейз историк, возможно, это какой-то мертвый язык.

– У вас совершенно случайно не осталось копий? Или фото писем?

– Нет. Не посчитали нужным сделать, – отмахнулся мистер Крем, опустив взгляд на свои ботинки.

– Благодарю за информацию. Хочу, чтобы наша маленькая беседа осталась между нами.

– Я понимаю. – Мистер Крем дрожал всем телом и поскорее желал отделаться от Грегора и его охранников.

В машине, пока глава Ордена стягивал неизменные кожаные перчатки, которые носил даже в жаркое время года, звонил мобильный.

– Да. Как ты и предполагал. Зашифровано. Думаю, он озадачится поиском лингвиста, если не посчитает все это вы-

думкой больной женщины. Пустите в ход Эмиля, он отличный хакер. Пусть мальчик найдет верного нам человека.

Следующим утром. Дэн

Вернувшись домой, я включил ноутбук. Пальцы быстро стучали по клавишам, открывались вкладки. Я был полон решимости найти лингвиста и прочесть два оставшихся письма. Наследство и послания пересекались непонятным мне образом на одной личности – Фаусте. Единственным человеком, кто знал об этом больше меня, являлась Грета Чейз.

Я провел в интернете несколько часов субботнего утра. Поиск не выдавал большого разнообразия, поэтому решил остановиться на том специалисте, чей рейтинг, судя по отзывам, будет выше. Фил все звонил и звонил. Упрямо и настойчиво, поэтому пришлось написать ему, что со мной все хорошо. Я хотел бы ему все рассказать, но не знал, как объяснить происходящее.

Через час, кажется, нашел, к кому поехать за советом. Я всегда верил ба, но в то же время понимал, что она тяжело больна. Заключение врачей тому явное доказательство. И все равно как одержимый собирался на встречу с неким доктором Д. Хокс. Одеваясь, я старался не смотреть в зеркало, а перед уходом и вовсе струсил: завесил его синей простыней. Может, так мне перестанут сниться проклятые сны с рыжей.

Кафе «Скала» находилось в незаметном переулке, где посетителей встречали две огромные подвесные скульптуры красных коров прямо над головой. Они парили, сторожа

вход. Кафе оказалось милой кондитерской. За стеклянными стенками сновали мастера сладкого королевства. Странный выбор для лингвиста, хотя, вероятно, он сладкоежка. Вскоре ко мне подошла девушка с папкой в руках.

Я приветливо улыбнулся и проговорил:

– Я бы хотел сесть за тот столик справа.

Девушка немного надменно улыбнулась и покачала головой. Тут я потрудился оглядеть ее с ног до головы. Вот дурак! Краснея, неловко взял меню со стойки, оставляя потные отпечатки на лакированной обложке. Я был удивлен, ведь договаривался о встрече с доктором Д. Хокс. Видимо, буква Д. означала не Дэвид, как я подумал сперва.

– Доктор Джена Хокс, мистер Чейз, – она протянула узкую ладонь для приветствия.

– Очень приятно, мисс. Можете называть меня по имени, – ответил я.

Джена оказалась высокой, худой, с гладкой оливковой кожей. Я с режиссерским интересом изучал ее необычную внешность. Девушка-змея. Зеленые раскосые глаза за стеклами очков только добавляли сходства.

– Можно сразу к делу, у меня время поджимает, – поторопила она, садясь за тот самый столик справа. Я последовал ее примеру.

– Да, конечно.

Я протянул папку, в которой лежало два письма. Девушка всмотрелась в символы и надолго замолчала. Я ждал, ду-

мая, что сейчас она скажет: «Вы придурок, такого языка не существует!»»

Лингвист поправила рукой стильные маленькие очки, скорее по привычке, чем по надобности.

– Дело в том, мистер Чейз, что это не древний язык и никакой из ныне существующих.

Мои щеки вновь заалели. Я застыл на мгновенье, а затем дернулся, чтобы извиниться.

– Нет, не перебивайте. Это всего лишь шифр. Старый, очень старый шифр. Я такой видела лишь раз в своей жизни.

Я подался вперед.

– Где вы его видели? Сможете перевести?

– О, боюсь вас разочаровать, но в этом не сильна. Я встретила его во времена учебы в университете Оксфорда, примерно пять лет назад, когда мы проходили эту тему на дополнительных лекциях. Кажется, этот шифр использовали тайные средневековые общества.

– Пять лет назад? Не обижайтесь, но вы не выглядите на тридцать.

Она кокетливо улыбнулась, махнув рукой. «Какая женщина не любит, чтобы ей давали меньше лет, чем есть на самом деле?» – твердила мне бабушка и была права.

– Спасибо, конечно, но мне действительно уже за тридцать.

– Значит, похожий шрифт вы видели в Англии? Масонский? – со смешком уточнил я.

– Не уверена. Но могу утверждать, что с шифром вам поможет лишь один человек, мой бывший... наставник. Историк, Уильям Крамер. Он увлекается этой темой, – девушка снова поправила очки. – Я дам вам телефон профессора. Думаю, он еще преподает.

– Отлично! – мне не удалось скрыть нетерпение, хоть я и старался говорить спокойно.

– Уилл часто летает на раскопки захоронений в Египет и Южную Америку. Если не будет брать трубку, напишите СМС, скажите, что от меня, и он наверняка вам перезвонит.

Хокс открыла сумочку величиной с манго и жестом фокусника извлекла визитку, словно знала наперед, что она мне понадобится.

– Мистер Чейз... – Хокс поймала мой взгляд и вновь расплылась в кокетливой полуулыбке. – Дэниэль, если у вас после общения с Уиллом останутся вопросы или понадобятся услуги переводчика – обращайтесь, – как бы между прочим проговорила она, в то же время скрывая за отстраненностью яркий интерес ко мне, а может, к тому, что было зашифровано в письмах.

Доктор Хокс была непроста, и мне почудилось, что ей с трудом удавалось сохранять невозмутимость. Я не слыл эмпатом, но ее эмоции так явно проступали сквозь наброшенную маску, что не заметить их было трудно.

– Благодарю вас, мисс Хокс. Ваша помощь неоценима. Я выпишу вам чек за консультацию.

Я встал и пожал руку девушки на прощание.

– Это лишнее. Передавайте привет Уиллу, – Джена осталась в кафе, а я направился в сторону парковки.

То же время. Ниотинский

Грегор приехал еще до того, как Дэниэль вошел в кафе «Скала». Выбрал столик в углу, откуда хорошо просматривалась вся площадь заведения. Хранителей, которые своими габаритами чересчур привлекали внимание, он оставил снаружи.

– Спасибо, – учтиво поблагодарил Грегор официантку.

Заказ его был не так скромн, как обычно: чашка с двойным эспрессо без сахара и десерт. В Праге кардинал прирастался к малиновому торту, который готовили так, что хотелось проглотить язык от удовольствия. Десерт состоял из трех слоев. Начинался с рассыпчатого коржа, переходящего в сыр маскарпоне, а на верхушке ждала свежая малина, залитая желатином. Вроде ничего особенного, но в этой простоте крылся нежный вкус. Грегор не спеша отламывал треугольный кусочек и подносил ко рту, жуя и жмурясь от наслаждения, а после запивал сладость горьким кофе. Никто бы и не заподозрил в мужчине грозного главу ватиканского Ордена, который, наслаждаясь десертом, следил за единственным пустым столиком напротив.

Рядом с его столом расположилась суетливая дама, которая пыталась работать на ноутбуке, но постоянно отвлека-

лась на телефон, выясняя в голос отношения с неким Йиржи. А чуть дальше пара молодых людей. Оба молча ели шоколадные пирожные, уткнувшись каждый в свой мобильный.

По губам Грегора скользнула едкая ухмылка, чуть изогнувшая их контур. Ему претило праздное отношение к жизни. Люди создали технологии, но забыли, как общаться друг с другом. Жизнь без войн и чудищ сделала их слабыми, боящимися собственной тени. Да, он понимал, что ради такого благополучия Орден и создавался. Однако Грегору уже давно стало плевать на людей, возможно, из-за долгой жизни, а может, из-за того, что он так и не смог быть с той, которую любил больше жизни.

Ниотинский сразу узнал в вошедшем молодом человеке потомка Фауста – он видел фото Дэна в социальных сетях. Дэниэль был совершенно заурядным: тощий, с задумчивым, немного печальным выражением лица. Серо-голубые глаза и копна выющихся темных волос до ушей. Взгляд кардинала зацепился за серьгу, блеснувшую при ходьбе. Серебряный крест. То, что потомок Фауста его везде носил, сказало Грегору очень многое. Если искушение и началось, то Лилит ни за что не пробить защиту заговоренного металла.

Пока Дэниэль топтался у стойки, в двери проскользнула Джена Хокс, на ходу поправляя очки. Едва посмотрев на Грегора, девушка более не обращала на него внимания, целиком уделив его Дэниэлю.

Ниотинский слышал весь их диалог, не спеша поедая тре-

тий по счету кусок чудного десерта. Сделав вид, что увлечен пищей, он следил за Дэниэлем: как тот говорил, как держался. Наблюдая за его эмоциями, Грегор размышлял, как привлечь потомка Фауста на сторону Ордена. Какие-то мысли казались удачными, какие-то нет, и он безжалостно их отметал. Грегор не мог заставить, поэтому приходилось изворачиваться, ведь этот мальчишка ему жизненно необходим, хотя еще не подозревает об этом.

После ухода Дэниэля мисс Хокс подседа к столику Ниотинского.

– Зачем тебе тайник Фауста? – прямо спросил Грегор.

– Говорят, Фауст украл кое-что у ведьм. Я хочу вернуть то, что принадлежит моему роду.

Джена явно темнила и выдала лишь крохотную часть правды.

– Сколько ваших в городе?

Она вспыхнула, зло сузив зеленые колдовские глаза за стеклами очков.

– Благодаря святой инквизиции и сраному бургомистру – я единственная.

– Джена, Джена, – с опасными нотками в голосе протянул кардинал. – Думаешь, я вчера родился?

– Что вы, Ниотинский, я прекрасно помню вас, – рассерженной гадюкой прошипела Хокс. – Мою мать вы не пожалели, как и многих в Бамберге.

– Но ты жива!

– Мне было пять. Естественно, вы тогда не обратили внимания на ребенка, – фыркнула она, сцепив тонкие пальцы в замок.

– Значит, вас не так много. Потомка не смейте трогать, – тихо и выделяя каждое слово предостерег кардинал.

Но ведьмы, как бы они ни старались терпеть, ненавидели, когда им указывали или запрещали. Глаза Джены блеснули изумрудами, а губы скривились от ненависти, которую она питала не только к Грегору.

– Фер Люций⁹ хочет Дэна, тогда и я хочу. Если ему так нужен этот забитый мальчишка без капли магии, я и мои сестры сделаем все, чтобы он не попал к нему в руки.

– У нас сделка, условия которой ты, кажется, забыла! – чуть повысил тон Грегор.

– Я сделала все, чтобы выпроводить его из Праги, как мы и договаривались.

Она подняла ладони, притворно капитулируя.

– Да, но сейчас твои интересы противоречат моим!

– Вашим или интересам Ордена?

Синий в глазах Грегора вспыхнул штормовым морем и блеснул сталью. Джена не выдержала его взгляда и опустила голову, лишь жилка на ее шее предательски пульсировала, выдавая страх и злость.

– Ступай! – повелительно махнул рукой Ниотинский, закончив разговор.

⁹ Фер Люций – Люцифер. Задумка автора для имени дьявола.

Дэн

Сначала я с десятков раз набирал бабушкин номер, надеясь расспросить обо всем. Но тщетно. Значит, если это шифр, а ба никогда ничего не делала не подумав, то нужно узнать, что скрывалось в письмах. В машине я размышлял, уместно ли будет звонить профессору в выходной. Спустя пару минут моя горячка и нетерпение пересилили, и я набрал номер, который оставила доктор Хокс.

Шли длинные гудки, трубку брать не спешили. Я хотел уже сбросить, когда на другом конце ответили бодрым мужским голосом, который глушил шум ветра:

– Да, говорите!

– Профессор, здравствуйте. Меня зовут Дэниэль Чейз. Ваш телефон дала мне мисс Хокс. Доктор Хокс, – и я вкратце рассказал о шифре, который нужно перевести.

Несмотря на то что связь прерывалась, профессор внимательно выслушал меня.

– Весьма любопытно, мистер Чейз, однако у меня довольно плотный рабочий график. Через пять дней я с группой улетаю в Южную Америку и, боюсь, пробуду без связи несколько месяцев.

– А в ближайшие дни до отъезда вы смогли бы уделить время шифру?

– Прилетайте ко мне, мистер Чейз. И я с удовольствием взгляну на ваш шифр, – прокричал в трубку Крамер.

– Может, вы все же сможете посмотреть на мое письмо по электронной почте? – с надеждой спросил я.

– Шифры не так просты. Я принципиально первоначально работаю с материальным носителем. Мне важно прикоснуться к нему. Не могу объяснить, но с загадками всегда так. Если не сможете, то через месяцев пять я, возможно, буду проездом в Праге.

– Я прилечу, – поспешно заверил его я. Ответы нужны мне уже сейчас! – Вы не сказали, где находитесь. Мне покупать билет до Лондона?

– Нет, в Рейкьявик, Исландия. А оттуда в поселок Вик. Кстати, одевайтесь теплее, погода здесь переменчивая.

– Как мне вас найти там? – растерянно и уже не так бодро спросил я.

– Пришлите мне СМС в день прилета! Я попрошу своего студента встретить вас в аэропорту.

Попрощавшись, я долго смотрел на мобильный в руке. Нужно придумать, как отпроситься на пару дней со съемок, при этом не вылетев с режиссерской практики.

Вечером я вернулся к Дому Фауста и стоял, словно сталкер рассматривая его, но опасаясь зайти внутрь.

«Чего я боюсь? Какого-то дома? Он ведь мой!» – я уверенно достал связку ключей и поднес к замочной скважине. И тут тишину улицы разрезал звонок, запиликавший, как всегда, не к месту и не ко времени.

«Неизвестный номер», – прочитал я на экране и нажал

кнопку «ответить на вызов».

– Привет! – раздался знакомый голос.

– Привет, Элишка, – улыбнулся я, радуясь, что она первая решилась позвонить.

– Слушай, я тут подумала, что хотела бы еще одну экскурсию по Праге с тобой, – немного смущенно предложила она.

– Эм-м...

Я был рад и несчастен одновременно, потому что рассчитывал завтра утром позвонить главному и, сославшись на простуду, получить несколько дней для поездки. В эту схему никак не входило свидание с симпатичной девушкой.

– Извини. У тебя, скорее всего, уже были планы, – расстроенно раздалось из трубки, и я не смог устоять.

– Завтра вечером я полностью твой, – горячо заверил я, чем вызвал довольный девичий смех.

Сумерки окутали Прагу, зажигая фонари с теплым оранжевым светом. Однако как бы они ни старались светить, тени находили углы и ниши, собираясь там в зловещие сгустки, чтобы пугать прохожих. Даже воздух становился более стылым, словно подчиняясь наступающей тьме.

Мне расхотелось заходить в Дом Фауста, и я поехал обратно в свою квартиру. Нужно было придумать оправдание перед главным режиссером и заказать билеты на понедельник.

Снова зазвонил мобильный. Фил не сдавался, и, думаю, если бы я не ответил, через полчаса ломился бы ко мне. Нас разместили в квартирах на разных концах города, что было в

новинку: мы провели в соседних комнатах все студенческое время.

– Дэн, я тебя убью, вот честно! Ты хочешь, чтобы я поседел, переживая, что у тебя случилось?

– Не волнуйся! Я в порядке.

– Скажи мне, чем я могу помочь?

Я ощутил неловкость оттого, что совсем недавно так бесился из-за Митсона. Он никогда не бросал меня и всегда вставал на мою сторону. Я глубоко выдохнул и попросил:

– Можешь как-то отмазать меня на пару дней со съемок?

– Я в шоке, – выдал Фил. – Ты точно Дэн Чейз?

Несмотря на шутку, в голосе Митсона слышалась обеспокоенность.

– Фил, мне нужно уехать на несколько дней в другую страну.

– Я лечу с тобой!

Тон его не подразумевал возражений с моей стороны, и будь ситуация другой, я с радостью сам позвал бы его.

– Нет, в этот раз я прошу тебя прикрыть мне спину здесь. Пожалуйста!

– Хорошо-хорошо, друг, – в голосе Фила прозвучало удивление, и он нехотя уступил, явно недовольный моим решением. – Главному не звони, я сам все улажу. Скажи хоть, куда летишь?

– В Исландию. – Пока он не стал снова настаивать на том, чтобы полететь со мной, я заверил: – Обещаю, что все рас-

скажу тебе по прилете!

– Клянешься? – на полном серьезе переспросил Фил.

– Клянусь, – так же ответил я.

Наше детское обещание, которое мы дали, сидя в доме на дереве у Филадельфии на заднем дворе: мы поклялись всегда приглядывать друг за другом, что бы ни случилось. А когда Фил чуть не погиб, катаясь на байке с очередной сокурсницей, я поклялся, что он не умрет, и это исполнилось. Так и повелось: если уж мы клялись, то все было серьезно.

Открыв несколько приложений для покупки авиабилетов, я слегка устрасился цен. Искать перелет пришлось тщательно. Не знал, брать ли обратный билет в этот же день и успею ли я вернуться, или профессору понадобится больше времени. Я понятия не имел, как разгадывались шифры. Торопить Уилла Крамера я не мог, спасибо ему за то, что вообще так легко согласился посмотреть на письма. Я боялся представить, что будет, если профессор окажется бессилён. Тогда останется только одно – лететь в ЛА за ответами, несмотря на бабушкин отказ. Я не хотел нарушать запрет. Еще с детства ба требовала от меня лишь одного: слушаться ее для моего же блага, что я и делал.

Нажав «купить», я стал обладателем билета в одну сторону на рейс Прага – Рейкьявик. Самолет должен был приземлиться в Исландии утром. Заранее посмотрев карту, я увидел, что от аэропорта до поселка Вик около двухсот километров, и было бы чудесно успеть показать письма профессору

до темноты. Я подозревал, что он будет на раскопках, поэтому подобрал рейс исходя из всего вышеперечисленного.

Я не знал, что будет в письмах, но тайный шифр манил меня, словно красная ниточка, ведущая к чему-то неизведанному. Почему Грета Чейз зашифровала послания ко мне? Кого она боялась? Письма читал кто-то кроме меня? В них должно быть что-то чрезмерно важное, иначе она не прибегла бы к шифру. Или бабушка все же тронулась умом, и в Исландии я испытаю только разочарование.

Целую ночь прокрутился в постели. Как только впадал в дрему, сразу же в полусонных мыслях появлялась рыжеволосая девушка. Горло снова сжималось в спазме, и я просыпался. Так, промучившись до рассветных сумерек, сел на кровати и взял телефон. На экране блокировки высветилось около двадцати пропущенных от Филадельфии и еще несколько от координатора «Баррандова». И это за последний час. Я надеялся, что там не пожар или землетрясение, потому что команда всегда отдыхала в выходные дни. Только собрался набрать Филадельфию, но раздался звонок домофона, что взволновало меня еще больше.

– Собирайся, соня! – скомандовал друг, стоя в дверном проеме.

– Что случилось?

– В целом, ничего страшного. Так получилось, что главного пригласили на какую-то важную встречу. Он будет отсутствовать несколько дней, поэтому сегодня объявили вне-

плановый съемочный день.

Я просиял. Мне это более чем подходило. Отработав сегодня, я смогу спокойно улететь и не переживать, что пропущу стажировку. Единственный минус – свидание с Элишкой мне не светит. Наверняка снимать будут до полуночи, чтобы уложиться в график.

Простояв в пробках около часа, мы отдали дань дорожному богу в виде впустую потраченного времени. Объехав несколько аварий по пути, я радовался, что мы еще легко отделались. Не то что те бедняги, которых забирали на машинах скорой помощи. Первый раз видел настолько загруженную трассу в выходной день.

– Заедем на «бензинку»?

Бензинкой чехи называли заправку, и я активно закивал, потому что очень хотел кофе.

Фил дул на горячий чай и наблюдал за мной, щурия глаза от поднявшегося ветра.

– Спрашивай! – не выдержал я.

– Ты выглядишь иначе. Я переживаю за тебя, поэтому хватит играть в таинственность, Дэн. Расскажи мне. Я могу помочь!

– Нет!

Я упрямо поджал губы, чтобы ненароком не растрепать деталей предстоящей поездки. Митсон смотрел на меня не мигая, словно взглядом собирался пролезть в черепную коробку и выколупать оттуда все мои тайны.

– У меня создается впечатление, что ты не в себе, – проворчал Фил и, отвернувшись, выбросил стаканчик с недопитым чаем.

Я последовал его примеру. В полном молчании мы сели в машину и в гнетущей тишине добрались до киностудии.

– Фил?

– Захочешь поделиться, я весь внимание, – развел руками друг, спешно направляясь в павильон.

– Детский сад, – пожаловался я в пустоту.

Сжал руки в кулаки и направился следом. Фил присоединился к процессу выстраивания света. Я хотел пойти за ним, но на плечо легла тяжелая рука.

– Дэниэль! – главный раздраженно фыркнул, напоминая лошадь, которую атаковали оводы. – Ты сегодня будешь помогать с костюмами. В прошлый раз мне понравилось, как ты вписал их в сцену, поэтому поработаешь над нарядами второй половины сезона для новой героини.

– А мисс Чернова?

– Уже там, вместе с костюмером.

Я кивнул, настроение стремительно поднялось до облаков.

Отправился в павильон с глупой улыбкой и распечатанным сценарием в руках. Костюмерная киностудии еле помещалась в четырехэтажном здании. На каждом этаже находились не только хранилища с уже готовыми костюмами, но и мастерские, в которых их создавали. В хранилищах облаче-

ния были разделены по эпохам. Женские и мужские наряды, аксессуары к ним – все аккуратно развешано и разложено. Всего в костюмерной киностудии хранилось более двухсот сорока тысяч костюмов.

Остановившись на втором этаже, я услышал приглушенные женские голоса и пошел на звук. Элишка стояла на помосте для примерки в окружении зеркал. Закрытое спереди строгое платье своим видом со спины ударило меня под дых: будто школьная учительница, в которую был тайно влюблен в старших классах, вдруг станцевала стриптиз прямо на парте.

– Доброе утро. Это для сцены с балом, – пояснила костюмер.

– Доброе.

– Тебе нравится, Дэн? – кокетливо вертясь передо мной, спросила девушка.

– Наряд не подходит характеру героини. Она смелая, но скована обязательствами перед родными и ни за что бы не надела это.

Пока я говорил, пани Мартина слушала, постукивая пальцем по губам, и когда я закончил, понятиливо кивнула и, бросив Элишке короткое «раздевайся», унеслась за другим нарядом.

– Поможешь?

Девушка указала на замысловатую застежку на шее. Сглотнув, я отложил сценарий и приблизился к ней. Сегодня

Элишка была с растрепанной косой и едва заметным румянцем на щеках. В ее глазах таилось нечто прекрасное, и я хотел утонуть в их глубине, забыв обо всем, кроме огня, который они разжигали в моем сердце.

Пальцы дотронулись до смугловатой кожи шеи, и мне показалось, что через них пропустили маленький разряд тока, когда я пытался подцепить застёжку. Наконец я справился с ней, но остался на месте, не в силах отвести взгляд от оголенной спины и выступающих лопаток. Элишка застыла, держа ткань наряда у груди и смотря через зеркало, а я провел рукой по коже, наслаждаясь ощущением. Мои мысли сейчас были отнюдь не о костюмах для второй половины сезона.

– Нашла! – бодро отрапортовала пани Мартина, еще не дойдя к нам, и я резко соскочил с помоста, чем вызвал смех Элишки и засмеялся сам.

– Так, милая, ты почему еще не разделась? Дэниэль, прошу вас, выйдите, не смущайте девушку!

Меня выгнали, но настроение стало сумасшедше прекрасным. Кровь бурлила, окутывая меня теплом. Пульс бился так, словно хотел выработать энергию на целый город. Кажется, я влюбился. Подбор костюмов превратился в лучший день в моей жизни. Она играла со мной, и я сгорал от счастья.

– Дэн? Сбежим завтра на прогулку? – между переодеваниями спросила Эли.

От ее взгляда я неловко дернул рукой и надорвал страницу

сценария.

«Черт! Соберись уже!» – я мысленно призывал свое тело слушаться мозга, но сердце лихорадочно стучало, и его звук отдавался в ушах. В помещении стало душно. Кровь прилила к лицу, и я потрогал щеки.

Работа шла споро, и утомленная пани Мартина вскоре объявила перерыв на обед.

– Молодцы оба! Дэниэль, хочу отметить, что у тебя отличное чувство стиля и тонкое видение сцены. Сейчас это редкость среди молодых людей в киноиндустрии. Даже и не скажешь, что ты стажер.

Я кивнул, довольный похвалой. Элишка, выйдя из-за ширмы, взяла меня за руку, укрепляя в мыслях о том, что я действительно ей нравлюсь. Вообще, все, что происходило со мной в Праге, казалось чем-то невозможным. Наследство, письма, девушка, которой я нравлюсь. В таком приятном волнении прошли день и вечер. Элишка отыгрывала сцену на площадке, а после приходила примерять то, что мы отобрали за время ее отсутствия. Получилось ровно пять примерок. Я поклонялся профессионализму и трудолюбию Черновой. За весь день она ни разу не пожаловалась на усталость.

– Вы гляньте, сколько времени уже! – всплеснула руками костюмер. – Я закрываю наряды и ухожу, а ты, милая, переодевайся не спеша. Съёмочный день окончен.

– Дэн? Мартина ушла, и я снова не могу самостоятельно

снять платье, – Элишка умоляюще сложила руки, улыбаясь уголком рта.

Я шагнул на помост и помедлил, любуясь нашим отражением. Мы стояли в комнате, в окружении зеркал, словно отгороженные от всего мира. Только я и она.

Молния легко поддалась, но я не спешил расстегивать полностью, сходя с ума от вида девичьей кожи. Элишка наблюдала за мной, и ее глаза мерцали, словно драгоценности. Она повернулась в моих руках и надавила на грудь, заставив спуститься с неудобного для двоих помоста. Чернова сошла следом, обвивая мою шею руками. От неожиданности я сделал еще шаг назад и уперся в зеркало, но мне было уже плевать. Единственное, о чем я думал в это мгновение, что хочу поцеловать ее.

Элишка первая сделала это. Едва губы коснулись моих, я ласково прикусил ее нижнюю губу, а затем облизал место укуса.

– Дэн! – простонала она, крепче вжимаясь в меня бедрами, и я потерял голову, зацеловывая и лаская ее тело, едва прикрытое платьем.

Когда Элишка задрала мою рубашку, чтобы начать языком выписывать на груди немислимое блаженство, я запрокинул голову, и в этот миг моих волос коснулся холодный ветер. Инстинктивно я повернулся, ища его источник, и наткнулся взглядом на рыжеволосую девушку из своего сна. Она приложила палец к губам. Я снова закрыл глаза, пони-

мая, что она ненастоящая. Элишка тем временем запустила руку в мои джинсы, заставляя хрипло простонать ее имя.

Моего уха коснулось чье-то горячее дыхание, в то время как Элишка продолжала ртом путь к паху.

– Ты устал, Дэниэль. Устал сопротивляться своим желаниям. Разве ты не хочешь сделать с ней то, что творил со мной во сне? Ты ведь думал об этом, когда смотрел на нее через зеркальное отражение? Сделай это!

Я распахнул глаза и повернулся. Рыжая по пояс вылезла из зеркала. Я застыл в ужасе, чувствуя себя прикованным к месту.

Содрогнулся и с усилием шагнул в сторону от Черновой. Мое тело покрылось холодным потом, а пульс ускорился до боли в груди. Зажмурил глаза, но открыв их, увидел, что рыжеволосая никуда не исчезла. Она молча смотрела на нас, склонив голову, словно собиралась выйти из зеркала полностью.

– Элишка, я... мне... мне нужно идти, – заикаясь, прохрипел я, выталкивая слова, будто каждое весило целую тонну.

– Дэн, что случилось? Тебе не нравится?

Чернова не видела рыжеволосую, а значит, ее появление – плод моего больного воображения или сломанной психики. Девушка хотела прикоснуться к моей ладони, но я отдернул руку и, бормоча извинения, вытолкнул ее из зеркальной комнаты.

– Дэн? Да что происходит! – повысила голос Элишка,

вмиг покраснев от злости или разочарования.

– Эли, мне правда нужно идти, – пробормотал несвязно, понимая, что схожу с ума.

Я выбрался из костюмерного павильона. Весь съемочный персонал ушел, здания «Баррандова» безлико освещали лишь фонари. Жадно глотая свежий воздух, я побежал на трамвайную остановку.

Глава 5

Anguis in herba.

Змея в траве.

Кардинал-епископ Грегор Ниотинский

– Ваше Преосвященство, потомок сел на рейс до Рейкьявика, – отрапортовал служитель Ордена, потирая сонное лицо.

Охранять Грегора было тяжело еще и потому, что кардинал мало спал ввиду особенностей организма и божьего расположения.

– Отлично. Сегодня мы посмотрим тайники Дома Фауста, – бодро ответил Ниотинский. Глава Ордена только что принял душ и пребывал в отличном расположении духа.

Для Грегора все складывалось наилучшим образом: Дэн шел туда, куда его подталкивали, хлопот не создавал. Наивность парня, с одной стороны, радовала, заставляя кардинала думать, что ввести его в Орден будет легче легкого. С другой – парень начинал раздражать моральной слабостью и вопиющей предсказуемостью.

– Вы уверены, что они поддадутся?

– Дэниэль принял наследство, а значит, Дом откроет свои секреты. Фауст слыл тем еще авантюристом, уверен, там должно быть что-то против хозяина Ада. Не мог же черно-книжник и правда продать души потомков ради спасения своей и не оставить ни лазейки.

Рыжеволосая из снов Дэниэля

– Расскажи мне о Фаусте, – попросил мой собеседник.

– Доктор Иоганн поддался мне с первого дня, слабак. Людская история о нем неправдива. Немецкий чернокнижник действительно заключил сделку с дьяволом. Однако условия договора были совершенно иными, нежели привыкли считать собиратели легенд и преданий... – Я провела пальцем по стойке регистрации и продолжила: – Да и не нужны Повелителю слабаки, не нужны легко ломающиеся души. Ему нравятся стойкие, чистые, невинные, те, что долго держатся, а после – презирают себя столетиями. Таких подчинять – одно наслаждение. Становясь слугами Господина, «новенькие» сладко мучатся чувством вины, понимая, что ничего не вернуть. Именно они, прежде святые барашки, возвышаются и в будущем становятся бесподобными демонами ада. Так было и со мной, хотя я пыталась забыть то время, когда была человеком.

– А подробнее о тебе – человеке?

– Обойдешься! Так вот. Фауст поддался, и мне бы заподозрить неладное, но, довольная быстрым результатом, я не поняла его просчитанной наперед партии. Мало того что он оставил в дураках Повелителя, так еще и потомков умудрялся предупредить с помощью дневника и проклятого Ордена. Так что словосочетание «потомок Фауста» вскоре стало звучать проклятием.

Мой собеседник растянул губы в едкой усмешке и удалился на охоту.

Я могла следить за мальчишкой сквозь зеркала и другие

отражающие поверхности. Зеркала нравились больше всего, а вот, к примеру, экраны смартфонов раздражали глупыми звуками уведомлений и звонков.

«Зашуганный мальчик, зачем он Господину?» – думала я, презрительно наблюдая за последним потомком Фауста. Однако каждую ночь жалкий человечиска сопротивлялся мне, борясь с собой. Я решила дожать Дэна после того, как парень узнал о наследстве, но сделала только хуже.

После сцены с кормлением Фауста мальчишку чуть не стошнило прямо во сне. Отвращение ко мне ясно читалось на его лице. В следующую ночь я не смогла войти в сон. Прах его возьми! Вечером подвернулся момент, чтобы попытаться еще раз. Хотела подтолкнуть его к жажде насилия, а вместо этого нанесла мальчишке психическую травму.

Мне оставалось выжидать подходящий момент. Занимаясь делами отеля «Дахштайн», я пропустила весь полет Дэна и, отразившись в иллюминаторах самолета, наблюдала, как он почти бежал к синей машине на парковке за взлетным полем, возле которой ему энергично махал темнокожий парень.

«Ну-ну, сладкий, посмотрим, что ты накопишь, и понравится ли тебе правда?»

Прыгнув на стекло машины, я стала заложницей общения двух впечатлительных ботаников. Едва познакомившись, они сразу нашли общий язык. Мальчишка широко улыбаясь пожал протянутую смуглую руку:

– Дэниэль. Очень приятно.

На улице свистел ветер, играя шевелюрой потомка. Дэн то и дело откидывал с глаз пряди волос.

– Лион. Давай на «ты»?

– Согласен. Спасибо, что встретил.

– Скажу честно, я удивлен, что профессор во время раскопок решил взять расшифровку. Ты либо счастливчик, либо Уилла зацепила твоя история! – прокричал Лион, стараясь перекрыть шум ветра.

Он открыл натужно скрипнувшую дверь и резво уселся за руль. Дэн, не мешкая, устроился рядом на пассажирском сиденье. Я переместилась в зеркало заднего вида. Мне до зуда хотелось проявиться, чтобы немного попугать мышонка, который так забавно боялся, но я сдержалась.

Машина помчала по основной трассе, ведущей через весь остров. Дэн мечтательно уставился в окно. Я чувствовала злое предвкушение, почти трепет оттого, что собираюсь с ним сотворить. Мысленно представляла внешний вид потомка после того, как он поддастся мне.

– Нравится? – понимающе усмехнулся Лион.

– Земля начала времен, – восхищенно ответил мышонок. – Облака так близко. Ощущение, что до неба можно дотронуться рукой.

Меня чуть не стошнило единорогами от искренней радости потомка. С ним определенно придется долго работать, выбивая эту дурь.

– Понимаю!

– И воздух! Вкусный! Травы, нагретые солнцем, осенний ветер и соль океана. Я точно в раю.

Услышав в его голосе детский восторг, я мученически закатила глаза. Не выдержав, все же отразилась на лобовом стекле, чтобы увидеть, отчего так счастливо пищал Дэн. Авто проезжало бархатный покатый луг. Исландия мне понравилась. Она была первобытной, не скованной цивилизацией, не изморенной мегаполисами. Буйство всех оттенков зеленого. Я и забыла, что это мой любимый цвет. Был. Теперь остался только черный.

– Ледник обнимает горизонт, – кивнул Лион. – Занимает десять процентов всей территории страны.

Белые языки ледника расползались во все стороны по зеленым лугам, словно тающее мороженое. На его фоне паслись коренастые лошади с большими головами, косматыми челками, длинными гривами и хвостами. Сизые облака плыли низко, делая картинку совсем уж идеальной.

– Впечатляет! Ты на практике у профессора?

Мальчишке и правда было интересно. Он совершенно не умел скрывать эмоции, а может, не считал нужным этого делать. Глаза Дэна блестели, когда он склонил голову, повернувшись к собеседнику. На губах расплылась улыбка, а ранее нахмуренные в задумчивости брови расслабились.

– Нет. Я его ассистент. Работаю и пишу докторскую, решил закончить ее здесь.

Я прервалась из-за шума в «Дахштайне». На заднем фоне слышались хрипы постояльца. Я с сожалением покинула Дэниэля и вернулась в отель. Прошла в номер, смежный с моими апартаментами. Мужчина на кровати захлебывался кровью, но все никак не умирал, издавая противные звуки. Его шея была разорвана, сквозь месиво из крови и плоти проглядывали позвонки.

Прах тебя возьми! Я раздраженно сжала кулаки, чувствуя, как когти выходят из фаланг. Кое-кому придется ответить за эту вольность. Я наклонилась, нежно обвела потный контур лица умирающего, а потом со всей силы вонзила когти ему в грудь. Рука миновала ребра и коснулась заполошно бьющегося сердца. В следующую секунду я вырвала его из груди. Хрипы и бульканье стихли. Наконец-то!

«Ох и не обрадуется Повелитель!» – пронеслось в мыслях, и я отхватила зубами кусок влажной теплой плоти. Сердце убитого постояльца по вкусу напоминало мясо дикой овцы, если эту овцу пасти в горах и кормить грибами. Насытившись, я вернулась к наблюдению за мальчишкой в Исландии.

Дэн с Лионом как раз стояли возле серных источников в толпе. По возгласам второго я поняла, что это местная достопримечательность.

– Смотри, мы как раз успели к выбросу, – указывал рукой Лион. – Именно от его названия Geysir все горячие источники в мире называются гейзерами.

Я отразилась в широких очках туриста, что стоял рядом

с ними. Необычно было смотреть, как гейзер готовился выстрелить кипящей водой. Вначале в небольшом озерце забурлила вода. Потом, словно дыхание, набирая силу, вода поднималась и опускалась в своеобразный колодец, и в какой-то момент она вздыбилась огромным пузырем-шаром. А после, всего за долю секунды, произошел взрыв. Кипяток выстрелил метров на пятьдесят в высоту, и все люди захлопали. Очень похоже на Ад. Я поежилась.

– Вот так должна выглядеть тусовка вейперов, – засмеялся Дэн. – Пахнет странно, всюду лопаются пузырьки, но уходить не хочется.

Следующий час дороги прошел в относительном молчании, и я смогла лучше рассмотреть мышонка. Темные кудри развевал ветер из полуоткрытого окна. Потомок то и дело сжимал губы, напряженно думая о чем-то. Теревил серьгу в ухе и иногда ерзал на сиденье, словно ему не терпелось быстрее доехать. Дэн смотрел прямо перед собой, хотя создавалось впечатление, что куда-то внутрь души. Возможно, перемены уже начались, и мои усилия не напрасны.

Лион заехал на парковку возле пляжа. Увидев вдалеке группу людей, я поняла, что они отправятся к ним.

– Берег великолепен! – выпалил Дэн, повернув голову туда, где профессор устроил небольшие раскопки. – Это же Черный пляж! Разве здесь разрешено копать?

– Вообще, нет. Но Уилл добился разрешения благодаря древним свиткам, в которых написано, что на пляже дав-

ным-давно произошло интересное событие с участием викингов и зарытого ими драккара.

Лион быстро зашагал к группе ученых, Дэн двинулся следом.

– Похоже, он умеет убеждать. И знает древние языки.

– Еще как! – с гордостью отозвался Лион. – Но тут ему нужен только исландский, один из немногих, который сохранил свой первоначальный вид. Уилл, как и любой другой человек, владеющий этим редким языком, может легко прочесть тысячелетние рукописи.

Спортивный мужчина в возрасте энергично рыл мокрый песок возле каменных валунов на Черном пляже. Иногда он останавливался, сдувал отросшие пряди волос со лба, подготавливал троих студентов и возвращался к своему занятию.

На черном мысе в паре метров от берега стояла базальтовая скала высотой с пятиэтажный дом. Причудливая форма напоминала дракона, пьющего воду прямо из океана. Я отразилась в синих волнах, что лениво облизывали берег, покрытый вулканическим песком, похожим на икру. Океан был непривычно тих, будто сам хотел подслушать разговор. Я решила смотреть через очки профессора, мотание туда-сюда вместе с волнами искажало картину, мне же хотелось быть в первом ряду.

Дэниэль вместе с ассистентом профессора быстро приближались. Заметно подрагивающие пальцы и дерганые движения выдавали волнение мышонка. Профессор неслышно

хмыкнул, разглядывая гостя.

– Здравствуйте, сэр, – Дэн пожал руку мужчине.

Лион кивнул своему начальнику и отошел к студентам.

– Я, право, решил по голосу, что вы старше, юноша, – протянул Уилл Крамер. – Можете перейти сразу к цели визита. Не стоит тянуть кота за его достоинство.

Я засмеялась, этот профессор начинал мне нравиться. Дэн побледнел и стушевался, но все же протянул мужчине папку с письмами.

– Так-так, посмотрим. Оу, как интересно, – комментировал Крамер, почти вжимаясь лицом в листы бумаги. Создалось впечатление, что он хотел попробовать их на вкус, но удержался.

Через очки я видела все, что написано. Действительно, шифр. Непростой. Проклятый. Едва смогла разобрать первое письмо: символы складывались в слова, не несущие никакого смысла, а вот второе... Как бы ни старалась рассмотреть, листы были абсолютно пусты, но Крамер, очевидно, что-то там читал.

Ай да бабка, похоже, все специально продумала для глупого мышонка. Она создала шифр в шифре. Зараза! Теперь и мне интересно, о чем последнее письмо.

Дэниэль нетерпеливо переминался с ноги на ногу, но хранил молчание, давая мужчине время. Уилл медлил с ответом, а мышонки нервничали все сильнее: он быстро моргал, часто трогал лицо руками и несколько раз доставал телефон

из кармана джинсов, а потом снова его туда засовывал.

Ветер донес до меня сладкий запах мальчишки. Эх, вот бы сожрать его, отрывая нежное мясо зубами. Хотя, может, сначала внушить ему цель немного поправиться? Нет, Лилит! Нельзя! Повелитель сам сожрет меня за одни эти мысли.

Профессор поправил съехавшие на нос очки, и я увидела его кольцо-печатку с изображением папских ключей, оплетенных змеями. Служитель проклятого Ордена! Я дернулась и почти выпрыгнула обратно в океанские волны. От моего действия правое стекло в оправе треснуло по краю тонкой линией. Профессор прокрутил кольцо, словно бы оно начало ему жать, а затем снял очки, хмурясь посмотрел на них и снова нацепил. Мне бы не сидеть у него в окулярах, но другой отражающей поверхности поблизости не нашлось, а шум ветра заглушал голоса, поэтому я осталась.

– Мистер Чейз, позвольте вопрос. Откуда у вас это письмо? И где находится человек его написавший?

Служитель Ордена чуть наклонил голову, и дыхание его стало до того частым, что стекла очков запотели.

– А это важно? – недоверчиво спросил Дэн.

«Да! Какого демона ты суешь свой нос в дела мальчишки?» – прорычала я мысленно.

– Мне просто любопытно.

Профессор аккуратно сложил письма и отдал, побудив Дэниэля говорить. Мышонок боялся уехать ни с чем, и хитрый служитель это понимал.

– Моя бабушка их написала. Для меня. Она историк и в девичестве носила фамилию Фауст.

Голос Дэна напоминал кривую кардиограммы. Он был то высок, то низок и часто срывался в хрипоту.

– Что ж. Вы удовлетворили мое любопытство. Перейдем к делу. Шифр, к сожалению, давно забыт, – в голосе профессора послышались напускные нотки огорчения.

Я восхитилась его мастерской игре.

– А кто его использовал, знаете? – спросил мальчишка, заметно расстроившись.

– Естественно. Почти *rippen*¹⁰, который создали масоны, но изящнее. Этот своеобразный код использовал тайный Орден Ватикана, но он всегда казался мне недоработанным, а составитель письма встроил в него еще и свой собственный шифр, воспользовавшись латинскими буквами и клинописью. Получается, для начала мне нужно поработать над первым письмом, чтобы открылось второе. Возможно, но это пока только мое предположение, что для расшифровки последнего послания нужно будет что-то личное. Это могли знать только вы, иначе код не будет иметь смысла, – понизив

^{10 9} *Rippen* – шифр масонов или шифр крестики-нолики. Геометрически простой шифр подстановки (метод, в котором элементы исходного текста заменяются зашифрованным текстом в соответствии с некоторым правилом. Элементами текста могут быть отдельные символы, пары букв, тройки букв), в котором каждой букве алфавита ставится в соответствие определенная часть одной из четырех сеток. Вся сложность шифра заключается в том, чтобы определить, по какому закону каждой букве алфавита отводится место в одной из четырех сеток.

голос, заговорщицки отвечал Крамер.

«Вот ушлый мужик!»

Дэн побледнел и откашлялся. Недоверчиво сощурился глазами, он прямо взглянул на профессора, пытаюсь понять, говорит ли Крамер правду.

– Если Орден тайный, как вы узнали о нем?

«Молодец, малыш, логичный вопрос».

Я с нетерпением ждала ответа от профессора. Разговор становился все интереснее.

– Я историк, у меня был доступ в закрытый архив Ватикана. Большого не скажу – подписал договор о неразглашении. Если позволите, шифр первого письма я смогу перевести к завтрашнему утру. Оплату попрошу символическую.

Крамер покашлял и незаметно для Дэна вытер руку о брюки. Нервничает, похоже. А до во пламя! Неужели именно Орден направил сюда мышонка? Нам нужно торопиться.

– Хорошо. Возьмите, – мальчишка протянул оба письма профессору.

– Не переживайте насчет ночлега. Лион покажет вам местные хижины, где мы обычно останавливаемся. Думаю, там найдутся свободные места.

По лицу Дэна я заметила, что ему не по душе оставаться на ночь здесь, да и вещей он не взял, только рюкзак с ноутбуком. Но потомок Фауста упрямо выдвинул подбородок и выдавил вежливую улыбку. Похоже, узнать, что же в письмах, ему хотелось сильнее, чем вернуться в Прагу к той при-

торной девчонке, Элишке.

По моей связи с Люцием прошел вызов. Шею обдало огнем. Не вовремя. Не успев дослушать разговор, я вернулась в отель.

– Ты испытываешь мое терпение, Лилит! – холодно проговорил Господин.

Он сидел в кресле возле двери в моих комнатах. Вокруг него сгустился полумрак, клубясь и ластясь, будто преданный щенок. Тон Повелителя заставлял меня сжиматься в страхе, а глаза грозили немедленной расправой.

– Пытаюсь каждую ночь, но он меня не впускает, – мои оправдания даже мне казались жалкими.

– Покажи его.

Я передала ему облик Дэна в Исландии.

– Серьга! – прорычал Повелитель. – Почему ты не сказала о ней раньше?

Воздух вокруг словно окутало горячим пеплом. Плохо. Он сердился.

– Серьга с крестом, гладкая, серебряная. Ничего особенного, – пожала я плечами.

– Подойди!

Я не могла не подчиниться приказу. Опустилась на колени по древней традиции. Если Фер Люций зовет, то предстать перед ним должно только так.

– Дура! – он резко наклонился и вlepил мне пощечину, голову мотнуло, и на несколько секунд я потеряла равнове-

сие. Щеку обожгло огнем от силы удара, во рту появился хорошо знакомый металлический привкус. – Это оберег. Нужно избавиться от него или хотя бы повредить.

– Сильно? – ровным тоном спросила я, сглатывая кровь.

– Достаточно будет глубокой царапины или поломки застежки.

– И как прикажете это повернуть? – мои губы немного дрожали, когда я осмелилась спросить это.

– Найди лазейку. Он нужен мне. Ты портишь планы. Ему предназначено быть моим! – рычал Фер Люций.

Не подчиниться такому голосу было невозможно. Он будто замораживал все вокруг себя. Безжизненный. Смертельно опасный. Заставляющий миллионы мурашек выползать из своих укрытий, чтобы посмотреть, откуда исходит звук. И бежать. Бежать ледяным ознобом по телу.

– Я! Я – твоя! Самая верная слуга, Господин. Всегда буду самой верной, – подобострастно просипела я, склонив голову.

– Ты жалкая, несчастная тварь, Лилит! Земля сделала тебя мягче, мне это не нравится. Исправь все или почувствуешь немилость своего Повелителя! – голос Люция рокотал от гнева, стены содрогнулись, и он исчез из моих апартаментов.

Я вытерла ладонью кровь, которая бежала из глаз, словно слезы. Хорошо, что не сказала про Уилла Крамера и Орден. Нужно переждать и преподнести информацию в более под-

ходящий момент. Например, за обедом.

Вернулась на лобовое стекло машины в Исландии. Дэн как раз входил в рыбацкую хижину на воде, оборудованную под гостиницу. Я прыгнула в тесное зеркальце напротив кровати, которое мышонок сразу же занавесил, едва закрыл дверь за Лионом. Пришлось перебраться в его мобильный. Комната в хижине оказалась размером со спичечный коробок, где Дэн – одинокая тонкая спичка. Последняя спичка, которую все хотят заполучить, чтобы развести такой желанный огонь. Кроме кровати, тумбы и зеркала в комнате была лишь дверь в душ, и все. Скукота!

Дэн взял в руки телефон, посмотрел почту, сообщения и закрыл обратно. Я смогла вблизи разглядеть серьгу. На гладкой поверхности креста не было никаких тайных символов, но они находились на срезах толщиной в полмиллиметра. Мое зрение острее человеческого раз в тридцать, поэтому стали видны все печати, коих я насчитала больше десяти. Тонкая работа, не знаю никого, кто бы смог создать нечто подобное. Разве что только давно умерший Кристоф Вагнер, ученик Фауста.

Дэн отправился в душ, я тут же прыгнула следом и очутилась на стеклянной перегородке, разделяющей место для купания с туалетом. Убожество. Мышонок залез под горячую воду, стоя ко мне спиной. Я решительно протянула руку прямо из стекла, чтобы достать до серьги, но в этот момент он опустился на пластиковое дно и обнял колени рука-

ми, позволяя воде бить по худой спине, которая постепенно краснела от высокой температуры. Его голова оказалась совсем близко ко мне. Я осторожно вытянула кисть и пальцами попыталась схватить серебряное украшение, но они прошли сквозь крест. Умно. Такие, как я, не могли сорвать его с уха.

После душа Дэн упал животом на кровать и, открыв ноутбук, долго искал билеты в Прагу на завтрашний вечер. Его телефон пропиликал сообщением. Я, естественно, сунулась туда, чтобы прочитать вместе с мальчишкой.

«Привет, Дэн. Ты вчера быстро ушел. Я не пойму, что сделала не так».

Элишка определенно мне не нравится. Настырная девка. Может, она тоже охотится за Дэном, изображая влюбленность?

Мальчишка закусил губу и потрясенно уставился на экран, пробегая сообщение глазами снова и снова. Похоже, он не ожидал, что девчонка напомнит о себе после его позорного бегства.

Мышонок выглядел жалким. Поморщившись от злости на него и на заговоренную серьгу, я оставила Дэна до утра. Завтра ждет новое разочарование, так что силы ему понадобятся.

Я вернулась рано утром, но потомок Фауста уже не спал. А спал ли он вообще? Посеревшее лицо, фиолетовые мешки

под глазами, скорбно поджатые губы. Мальчишка не в лучшей форме. Он оделся и, взяв с собой рюкзак, вышел из хижины. Дэн, похоже, решил проделать путь до пляжа пешком. Телефон он засунул в задний карман джинсов, поэтому мне пришлось, словно кенгуру, скакать то в очки прохожих людей, то в стекла машин, припаркованных по дороге, ведущей к воде.

Сегодня океан накатывал раздраженными волнами, будто злясь за то, что люди посмели тронуть идеально Черный пляж. Уилл Крамер и его студенты уже сновали возле каменных валунов с лопатками и кистями. Они что-то бурно обсуждали и размахивали инструментами, словно дирижеры перед оркестром.

– Доброе утро, – Дэн остановился возле вбитых деревянных колышков, не заходя за границу раскопок.

– Привет, – весело отозвался Лион, помахав зажатым в руке планшетом.

Уилл Крамер договорил, после чего обернулся к Дэну и вышел за колышки.

– Доброе. Как вам погода, Дэниэль?

Станный вопрос, учитывая то, что ветер подхватывал морозящий дождь и бил им в лицо. Волнистая шевелюра Дэна намокла и скрутилась в черные пружинки. Мальчишка поежился, отчего стал еще больше напоминать мокрого мышонка и пробурчал:

– Могло быть и лучше.

– Знаете, как говорят местные: не нравится погода – пожди пять минут.

Профессор засмеялся шутке, очевидно, находя ее очень забавной, а Дэн лишь сдержанно улыбнулся.

– Как прошла расшифровка?

Дэн кусал губы и теребил крест серьги так яростно, что я с предвкушением ждала, когда же он сам оторвется от застежки.

– Хотелось бы сказать, что успешно. Но боюсь вас расстроить, молодой человек. Дело в том, что код я преобразовал в слова, которые не несут особого смысла. Написанное должно было дать информацию о числовых подсказках во втором письме. Покрутив их так и эдак, я не нашел ни анаграмм, ничего, что могло вам помочь.

– Вы сказали числовых? Во втором письме?

– Да. Это числа, просто написанные шифром. Я воспроизвел их в привычной вашим глазам форме. Также перепробовал разные алгоритмы и ключи к словам, которые получились, но так и не узнал, где искать. Возможно, слова подскажут вам разгадку. Если нет – сожалею.

Мальчишка слегка ссутулил плечи и опустил взгляд в мокрый песок.

– Спасибо и за это, профессор.

Голос Дэна звучал тихо и обескураженно. Крамер протянул ему пластиковую папку.

– Ваши письма и, собственно, то, что удалось расшифро-

вать.

Потомок не стал лезть в документы из-за дождя, поэтому Уилл процитировал то, что написала бабка, видимо, для того, чтобы понять, знает ли Дэн, о чем эта бессмыслица:

– «Гордости нет. Страх нет. Ответ в любимом короле медвежонка», – произнес профессор. Его рука, поправлявшая дужки очков, слегка подрагивала, выдавая заинтересованность.

Потомок Фауста лишь побледнел и нахмурился сильнее. На его лице сквозило неприкрытое разочарование: то ли в послании, то ли в самой Грете Чейз.

– В папке я оставил номер счета и стоимость моих скромных услуг.

– Благодарю! – Дэн переминался с ноги на ногу, всем видом показывая, как ему не терпится поскорее закончить разговор.

Жаль, что, сидя в очках Уилла, я не видела выражения его лица, однако эмоции профессора выдавал голос.

– Дэниэль, мои слова покажутся вам жестокими, но зачастую тайные шифры не несут ни счастья, ни облегчения. Поэтому оставьте все как есть. Мир не рухнет. Поверьте моему опыту, некоторым тайнам лучше оставаться неразгаданными.

Ушлый мужик сумел-таки растормошить мышонка. После его слов Дэн упрямо вскинулся, глаза загорелись непонятной мне надеждой. Он скомкано поблагодарил мужчину

еще раз и, не задерживаясь, ринулся в обратный путь. Перед тем как прыгнуть за Дэном, я еще некоторое время оставалась в очках Уилла Крамера. Профессор набрал номер и с досадой произнес:

– Потомок не знает смысла фраз, которые я перевел. Мальчишка отправился в аэропорт. – Он потерял переносицу, и очки немного съехали вниз. – Нет, ни о чем не догадывается.

Адово пламя! Я передернулась, ощущая, как волоски на коже встали дыбом. Поняла, кому мог отчитываться служитель. Лишь один человек всецело посвятил себя служению Contra Malum и стоял во главе Ордена – Ниотинский.

Интересно, а малыш понял, что имела в виду бабка, или придумал, у кого попросить помощи?

Сев в самолет, Ден начал писать своему другу детства. Похоже, решил рассказать обо всем Филу.

Прага, Дом Фауста. Это же время. Ниотинский

– Ваше Высокопреосвященство, мальчишка сел в самолет. Нужно уходить, – закончив разговор по мобильному, отрапортовал один из хранителей.

Грегор поморщился, отряхиваясь от пыли, налипшей на брюки, пока он простукивал паркетный пол в гостиной. Ночь выдалась тяжелой для кардинала, прежде всего тем, что он не хотел признавать свое заблуждение. Долгое время Ватикан считал, что тайники Дома Фауста откроются, едва пото-

мок примет наследие. Взламывая ночью старинную входную дверь, будто когда-то облитую кровью, он зашел в неприветливый дом. Весь холодный, темный и угрожающе стонущий, он не открыл Грегору своих тайн. От Фауста ничего не сохранилось, кроме пары гримуаров и особняка. Ниотинский был уверен, что доктор-авантюрист оставил гораздо больше, чем только дряхлый дом. Он надеялся, что чернокнижник даровал потомкам некое оружие, а может, знания как извинение за свои ошибки молодости.

Грегор с хранителями и служителями Ордена перерыли каждый уголок, а потом он долго сидел на антикварной софе в гостиной в надежде понять, где они просчитались. Значит, если тайники и существуют, то только Дэн сможет открыть их. Алхимик с помощью Фера Люция получил силы творить противоестественное колдовство. Хотя в глубине души кардинал считал свою долгую жизнь такой же противоестественной, только с одним отличием, что она была дарована Богом. Вот только Богом ли?

– Уходим, – коротко распорядился Ниотинский, последний раз окинув взглядом холл.

Гостиная осталась в нетронутom виде. Нигде не было ни следа от их вторжения.

Лилит

Я быстро проконтролировала работу отеля и, подсчитав, когда мышонок вернется, прыгнула назад к нему, отразив-

шись на окнах его машины, припаркованной в аэропорту Вацлава Гавела.

Дэн целеустремленно влез в авто и ринулся в сторону противоположную от места, где находилась его квартира. Мальчишка выглядел как человек, который глубоко разочаровался, но решил дать ситуации последний шанс его удивить.

Приехав в спальный район Стодулки, он остановился у нового двухэтажного дома. Возле подъезда его ждал Филипп, дурашливо улыбаясь. Дэн, увидев друга, весело хмыкнул, и из его позы на мгновение ушла нервозность последних дней.

– Как слетал? – с ходу спросил громила, обнимая Дэна за плечи.

– Подожди пару минут, я все расскажу!

Они поднялись на второй этаж, и я прыгнула следом, в широкое зеркало шкафа, который, казалось, занимал полкомнаты.

– Ну и бардак ты развел, – поморщился Дэн, снимая обувь.

То, что мальчишка назвал бардаком, скорее было полным хаосом. В коридоре валялась обувь, грязью с нее темнел весь коридор. В нем же на комодке громоздилась одежда впере-мешку с какими-то бумагами, а по небольшой комнате точно прошелся торнадо. Я невольно скривилась. Хорошо, что мышонок любит чистоту, а то я бы сразу сожрала его за такое – ненавижу грязь.

– Ты же меня знаешь, – отмахнулся Фил, включая кофемашину.

– Пьешь кофе? – удивился Дэн.

– Нет, дурик. Аппарат уже был здесь, когда я заселялся.

Кофе, между прочим, для тебя купил.

– Для меня? Ну-ну! Скорее, для кого-то женского пола, – парировал мальчишка и умолк.

Фил это, конечно же, заметил и, закатив глаза, пробурчал:

– Не для Эли, не волнуйся. Она на тебя запала целиком и полностью.

Дэн покраснел и принялся освобождать место за столом.

– Рассказывай! – потребовал Фил, протягивая мышонку чашку с кофе.

И тот вывалил все о бабке, письмах и шифре. Умолчал он лишь обо мне и о том, что делал с Элишкой после съемок.

Филипп немного отступил от Дэна за время его рассказа, увеличивая расстояние между ними. Сначала на его лице ничего не отразилось. Ни единой эмоции. Возможно, мозгами Митсона обделили при рождении. Его округленный рот и изумленно распахнутые глаза говорили лучше всяких слов. Дэн, увлекшись, не сразу заметил реакцию друга, а когда увидел – поник и весь будто сжался.

– Не веришь мне?

– Тебе верю, а вот миссис Чейз, думаю, окончательно сошла с ума.

– Ясно. Я пойду.

Дэн встал и, взяв папку с письмами со стола, направился в коридор. Фил растер шею, тихо ругнулся, а затем решитель-

НО ПОЗВАЛ:

– Дэн! Давай сюда свои письма.

Хитрый мальчишка просиял и вернулся в комнату. Друзья устроились на ворсистом ковре, разложив письма, расшифровку и включив ноутбук.

Фил с закушенной губой смотрел на бессмысленную фразу из кода, пока Дэн гуглил ту на разных языках, надеясь что-то отыскать.

– Остановись! – не выдержал Фил.

– Я хочу найти разгадку.

– Понимаю, но давай рассуждать логически: твоя бабушка писала письма тебе, внуку, а не какому-то профессору.

– Да, но...

Митсон закатил глаза и громко фыркнул, перебивая Дэна.

– Нет, ты не понял! Миссис Чейз послала шифр родному внуку, который должен его понять. В этих фразах должно быть то, что известно лишь вам двоим. Теперь понял?

Потомок запустил руку в волосы, делая шевелюру похожей на воронье гнездо.

– Давай пока оставим первые слова и посмотрим на конец? Можно предположить, что «медвежонок» – это ты, – пошутил Фил и заржал.

Дэн звонко хлопнул себя по лбу, и я усомнилась, что после такого удара в его черепушке хоть что-то останется умного.

– Ты прав. Как я это забыл? Она лет до десяти меня так называла. Значит, теперь любимый король. Но у меня не бы-

ло любимых королей, тогда я считал историю скучной.

– Ладно, – Фил сначала задумчиво почесал макушку, а потом принялся барабанить пальцами по ковру. – А что, если король из тех песен, которые вы могли слушать вместе? Или фильмы, мульты, книги? Я имею в виду все те произведения, которые вы смотрели или читали в период, когда миссис Чейз называла тебя «медвежонком»?

Дэн снова взлохматил и без того растрепанные волосы и беспомощно уставился на расшифровку.

– Даже если мы поймем это, я вообще не знаю, что могут означать все эти цифры в последнем письме.

Я готова была биться головой о зеркало с противоположной стороны, так выводил меня мышонок своим нытьем.

– Не начинай, – беззлобно огрызнулся Фил. – Все по порядку. Ты просто думай и вспоминай все, что связано с детскими интересами, а я буду записывать. Еще можешь назвать книги, которые есть у вас в библиотеке, если помнишь.

Дэн хмыкнул:

– Ты же видел нашу библиотеку.

– Видел и уверен, что половину книг ты точно прочитал и не забыл названия.

– Да, но не в детстве же.

Во имя всех грешников! Как они мне надоели!

Но узнать, что оставила бабка, важно. Найдите уже ответ!

Я негодовала. Как «это» должно стать соратником Фера Люция?

Дэн, словно вторя моим мыслям, простонал:

– Ба меня сильно переоценила.

– Соберись!

Мышонок послушался. Встряхнулся и скомандовал:

– Записывай. Коллекция классической музыки: Моцарт, Бах, Шопен. Точно помню с детства. История искусств в трех томах, история Европы в пяти томах, история Древнего мира. Учебники по немецкому языку для школьников. Сказки народов мира. Весь Конан Дойл.

Фил удивленно поднял брови:

– Конан Дойл? Я его в классе десятом только прочел.

Дэн немного снисходительно протянул:

– Я знаю. Ты же читал из нашей библиотеки.

Завывая сиреной, за окнами пронеслась машина скорой помощи, а в коридоре этажа раздалась ругань на английском и громко хлопнули двери. Парни молчали несколько минут, пялясь на письма старухи Чейз.

– Так, это все хорошо. Но давай сузим круг. Какие книги, фильмы были любимыми? Твоя бабушка об этом знала?

Мышонок забежал по комнате, а потом остановился напротив зеркала, словно увидел в нем меня. Он распахнул глаза и закусил губу. Лицо Дэна озарила яркая догадка. Уныние уступило место азарту, и потомок выпалил, все так же глядя на свое отражение:

– Я знаю, где искать!

– Удиви меня, – Фил подобрался, как и я, желая услышать

ответ.

– Сказки братьев Гримм в оригинале. Это – первая книга, которую я прочитал на немецком. И там была история, заставившая меня смеяться до колик. Впервые после того, как бабушка меня забрала.

– Ну, не томи!

– «Король Дроздобород». Я тогда представлял мужика с дроздом вместо бороды и ржал, словно сумасшедший. Бабушку это умиляло, и она посмеивалась вместе со мной. Уверен, это оно.

Во имя всего грешного! Я готова сорваться и сожрать эту версию Фауста раньше положенного!

– Так, если не брать пока первую часть расшифровки, то у нас есть еще куча непонятных цифр.

– Ну, это проще. Я думал, что после книги ты сразу догадаешься о числах.

Теперь Фил просиял и, схватив листы бумаги, затряс ими в воздухе.

– Ну конечно! – он закричал, и на эмоциях обнял Дэна так, что тот поморщился. – Если поставить между каждыми тремя числами дефисы, получится шифр Оттендорфа¹¹!

¹¹ Шифр Оттендорфа (один из видов книжных шифров). В качестве ключа берется непосредственно книга. Тогда каждое слово зашифрованного послания отыскивается в этой книге, и ему присваиваются «координаты»: номер страницы, строки и порядковый номер слова. В конечном итоге послание будет представлять из себя некоторый набор чисел, каждая тройка которых – указание на слово.

Глава 6

Aliena vitia in oculis habemus, a tergo nostra sunt

Чужие пороки у нас на глазах, а свои за спиной.

Дэн

Я широко улыбнулся, чуть ли не пританцовывая на месте. Меня охватило ощущение невесомости. Оттого что мы смогли определить код, я зарядился энергией и готов был идти покорять Эверест.

– Именно!

– Помню, как в школе мы перебрасывались записками, шифруя их Оттендорфом.

– Да. А чтобы можно было быстро прочитать, ключом всегда брали учебники и темы в них, которые проходили в тот день, – предался я ностальгии.

– Хорошо, что ты научил меня шифру. А кто объяснил его тебе? Миссис Чейз? – Фил полез в ноутбук, но я нагло забрал его себе.

– Да. Похоже, она специально меня учила и немецкому в том числе.

Я открыл несколько вкладок с оригинальными сказками Братьев Гримм, теми, где все умирают. Ба считала, что подобные истории читать можно и ребенку, поэтому одноклассники искренне меня удивляли, когда рассказывали о сказках в положительном ключе. Только потом я выяснил, что существует несколько их интерпретаций. «Король Дроздобород» был самой милой сказкой, где все заканчивалось довольно позитивно. Там никому не отрубили голову, а всего лишь наказали принцессу за гордыню и высокомерие. Сказ-

ка учила с честью принимать свою судьбу и не сдаваться.

Фил протянул мне листок с числами. Снизу он написал их так, чтобы читалось уже шифром. Это упростило задачу, и я получил расшифровку довольно быстро. Только вот написанное бабушкой спокойствия мне не принесло.

«Мой мальчик! Раз ты читаешь это, значит, выбрал жизнь, полную приключений и опасностей. Пути назад уже нет! Не ищи меня, не возвращайся в ЛА и никому не верь! Почувствуешь, что не в силах находиться в Доме, – покинь его и никогда не возвращайся. Но если он примет тебя – получишь поддержку. Очень важно: ни за что не продавай свое наследство, это его убьет.

Ты скоро услышишь о моей смерти, не печалься, прошу. Так нужно. Я – один из рычагов давления на тебя, поэтому уйду тихо. Не ищи.

Часть ответов ты найдешь в доме, часть придется искать самостоятельно.

Внимательно смотри под ноги, когда поднимаешься по ступенькам.

Я тебя люблю. Твоя Ба».

Я дрожал, читая письмо. Почувствовал на щеках слезы и быстро вытер их, чтобы не увидел Фил.

– Она покончит жизнь самоубийством? – в шоке спросил друг.

– Нет, – я замотал головой, не смея такое даже предположить. – Думаю, как-то инсценирует свою смерть, чтобы на меня не давил таинственный враг, о котором здесь ни слова. Информацию я должен отыскать в доме Фауста.

Я видел недоверие Фила и не мог его винить, потому что сам едва балансировал, словно канатоходец, на грани между невозможным и действительным.

– Дэн? Ты точно хочешь ввязываться во все это дерьмо? Судя по тому, что написала миссис Чейз, за тобой скоро начнется охота или уже началась. Не пойми почему.

– Это, как ты выразился, «дерьмо» течет в моих венах! История моего рода, история Фауста. То, ради чего бабушка пожертвовала своей репутацией. Догадываюсь, что психическая болезнь выдумана, просто ей нужно было уйти.

Фил поднял руки капитулируя. Я молча собрал листы, гадая, как бы побыстрее попроситься и свалить.

– Ты сейчас домой или в Дом Фауста? – это был не вежливый интерес для поддержания беседы, Филу действительно любопытно узнать, что же я найду.

– Для начала в квартиру, а после в Фаустов Дом.

Фил, очевидно, понял по моему ответу, что с собой я его не возьму, поэтому не стал даже спрашивать.

– Будь осторожен, Дэн. Звони в случае чего.

– Хорошо.

Друг колебался, словно желая сознаться в чем-то. Он тяжело выдохнул и побледнел, будто толкая себя с обрыва.

– Не забудь, что завтра с утра съемки.

Я мысленно удивился, ожидая чего угодно, но не банального напоминания о рабочем дне.

– Спасибо, что помог с шифром. Я это ценю. Буду на связи.

– И Дэн. Завяжи шнурки.

Вернувшись в квартиру, я принял душ и, переодевшись, заехал в ресторан «Козловна». Есть хотелось со страшной силой. Поэтому я заказал печеных свиных ребрышек под медовым соусом и гранолки – чешский вариант картошки фри. Самые вкусные в моей жизни ребра подавались на огромном блюде, порция весила больше килограмма. Прага отличалась от ЛА смешными ценами буквально на все, кроме жилья. Вкусно и сытно поесть мог позволить себе каждый турист и местный. Налопавшись так, что едва дышал, хотя мне это не свойственно, я снова проигнорировал сообщение от Элишки, не зная, что ответить. Я влюбился в Чернову, но в костюмерной так опозорился и до сих пор не мог найти слов, чтобы соврать ей о бегстве в тот вечер. Часто думал о рыжеволосой, которую теперь видел не только во сне. После прочтения бабушкиных писем я надеялся, что ее появления как-то связаны с наследством и родством с Фаустом. Верить в это получалось легче, чем в то, что я сумасшедший маньяк и во снах люблю душить девушек.

Лилит

«Ох, сладкий, я знаю, куда тебя так тянет. Мне это на руку: в Доме Фауста будет легче тебя достать!»

Я наблюдала, как Дэн поглощает мясо, много мяса, и поняла, что наследие Фауста начало пробуждаться. Мальчишка прошел несколько улиц и приблизился к дому. На его лице одна за другой сменялись эмоции. Мне показалось, что Дэн боялся заходить, но решился, как человек, который хотел стремительно разделаться с неприятным делом. Чуть помедлив, он вставил ключ в замок и, когда тот щелкнул, шагнул внутрь.

Дом почти не изменился с тех пор, как я была здесь в последний раз. Его реставрировали, но довольно бережно. Сохранилась большая часть мебели начала шестнадцатого века, к ней добавилась современная, но выполненная в стиле той эпохи. Видимо, бабка пожертвовала средства на реконструкцию для городского совета. Единственное, с чем она не могла бороться, – вездесущая пыль. Густая, покрывавшая нутро дома, словно пепел, сейчас именно пыль была в нем хозяйкой. На полу она частично отсутствовала, очевидно, потревоженная заходившим сюда Орденом.

Забавно. Если тайники и существуют, о чем уверенно писала Грета Чейз – откроются они только потому, и то, если он знает, где искать. Думаю, Фауст воспользовался печатями и демонической помощью, чтобы сокрыть их магически, и это мог бы увидеть лишь человек из его рода.

Когда мальчишка прошел в гостиную, особняк с силой

тряхнуло. Вся пыль, до этого смиренно лежавшая, взвилась в воздух и устремилась к Дэну. Мышонок чихнул несколько раз и поспешил открыть окно в гостиной, высвобождая серый тлен, не заметив ни проделок дома, ни меня в зеркале напротив.

– Нужно нанять клининговую службу или купить пылесос и самому все выдраить, – пробормотал он и оглянулся.

Внутренности дома засияли, демонстрируя потомку прежний аристократический лоск. Дэн удивленно открыл рот, рассматривая интерьер. При входе в гостиную стояли комод и вешалка. В просторном холле высился резной деревянный шкаф, чуть дальше софа. У противоположной стены стол со стульями. Напротив окон и огромного зеркала – ступеньки, ведущие на второй и третий этажи. Он двинулся к дубовой лестнице, подсвеченной лучами заходящего солнца.

«Ищи-ищи, ты почти у цели!»

Мальчишка замер возле ступенек, снова потянувшись к кресту серьги.

– Гордости нет, страха нет, – процитировал он вслух бабкино послание. – Ты говорила, что гордости должно быть в меру, поэтому не стоит задирать подбородок, иначе не увидишь земли под ногами.

Дэн поднялся по лестнице и снова остановился.

– А про страх, что не стоит вжимать голову в плечи и бояться поднять взгляд на дорогу впереди.

Он спустился по ступенькам, хмурясь и смотря перед со-

бой.

– Все указывает на дорогу в наследстве. И последнее про ступеньки.

Спустя полчаса его беготни вверх-вниз у меня зарябило в глазах.

– Черт! Ба, это же так просто! – хлопнул он вдруг себя по лбу. – Я упал, когда мне было десять, тогда еще лодыжку подвернул на ступеньках.

Дэн вел диалог с бабкой, будто та могла его слышать.

– Так, я упал, когда спускался, а ты написала про внимательность, когда поднимаешься. Значит, нужно искать либо сверху, либо снизу.

Я закатила глаза. Ну наконец-то!

Потомок начал ощупывать ступеньки в попытках найти тайник. Я затаила дыхание и жадно наблюдала, ожидая, когда же появится Фаустов схрон. Неожиданно раздался писк из-под лестницы. Дэн с интересом ринулся туда.

Черт-те что! Это недоразумение вынесло на свет летучую мышь и ее семейство, осторожно сюсюкая с ними. Он закутал их в свою куртку.

– Как вы только здесь оказались, все закрыто же.

Дэн недоумевал, а я цыкнула сквозь зубы. Как-как? Через дыру в потолке. Она сотворена магией, посему должна была остаться и ныне. Лучше бы мне кто-нибудь ответил на вопрос, мучивший меня все это время: это будет служить Повелителю? Слишком добрый, слишком, как для потомка Фа-

уста.

Дверной проем закрыли тени. Ни я, ни Дэн не услышали, как они вошли.

– Мистер Чейз? – не спрашивая разрешения, двое крепких мужчин ступили в гостиную.

Ну конечно. Мерзкий Орден пожаловал. Я затаилась в зеркале, боясь шелохнуться.

– Кто вы? – выпрямился Дэн, держа в руках летучих тварей. Он хмурился, рассматривая незваных гостей.

– Дэниэль, мы пришли лишь помочь вам. Вы столкнулись с тайнами Фауста, а мы как раз специалисты в таких делах.

Дэн слушал с сомнением. Только по его лицу было непонятно: он сомневается в их словах или в том, стоит ли доверять им.

– Мы представляем католический Орден, подчиняющийся Ватикану...

Тут мужчины начали свою дурацкую агитацию: «Согласись служить высшему предназначению, бла-бла-бла».

Эх! Не умели они искушать. Сначала нужно показать человеку его личную выгоду, а только потом заманивать. Они что, никогда не видели Свидетелей Иеговы в работе?

Дэн слушал и на все призывы отрицательно вертел головой, а когда служители замолчали, вставил:

– Я атеист. Простите, не пойму, о чем вообще речь?

Один из мужчин тяжело вздохнул и посмотрел на потолка, словно тот отставал в развитии:

– То, что вы ищете, может быть опасно прежде всего для вас. Поэтому мы предлагаем свою помощь и защиту.

Лоб у Дэна покрылся испариной, а руками от подавляемого страха он стискивал куртку. Я тоже занервничала. Значит, Дэна все-таки отправили в Исландию не просто так. Пока он летал туда, они искали, но ни хрена не нашли.

– Защиты от чего?

– Прежде всего, от знаний, которые могут вас убить, – серьезным тоном ответил слугитель.

– Как пафосно и сюрреалистично звучит, – парировал Дэн. – Как я уже сказал, я атеист. Разговор закончен, господа. Прошу вас покинуть мою собственность и не заходить сюда без разрешения, – твердо отрезал храбрый мальчишка.

Я хохотала, наслаждаясь представлением. Служители Ордена ничего не могли сделать. Для вступления к ним или помощи Contra Malum нужно чистосердечное, добровольное согласие. Ну или хотя бы вера.

Мужчины не шелохнулись.

– Осторожнее, Дэниэль. – Один из них кивнул на копошащихся в куртке тварей. – Летучие мыши часто переносят бешенство. Они опасны для людей. Поэтому их убивают, а не возятся с ними.

Постояв еще пару секунд, слугители убедились, что мальчишка правильно понял аналогию – Дэн вздрогнул и сделал шаг назад, а они открыли входную дверь.

– Так или иначе, вы согласитесь, – второй мужчина задер-

жался в проеме. – Только вот наши методы убеждения могут вам не понравиться. Всего доброго.

Они быстро вышли, оставляя после себя запах ватиканского ладана, который я терпеть не могла. Дэн пожал плечами, подтянул грязные от пыли джинсы и понес мышей на задний двор, где, насколько я помню, находился сад. Я было хотела прыгнуть за ним, но он быстро вернулся в холл гостиной. Отряхнув одежду, юный Фауст потер лоб и вымученно улыбнулся своему отражению. Воспаленные глаза могли принадлежать наркоману – так мальчишка вымотался.

– Кофе и желательно крепкий, а потом с новыми силами примусь за поиски.

Кафе дальше по улице оказалось итальянским, и Дэн направился к нему. Я, прыгая за ним по десятку витрин, почувствовала тошноту от сильной концентрации и проявлений то тут, то там. Несмотря на вечер, возле входа толпились кофеманы, значит, внутри тоже будетлюдно, и я смогу особо не таясь следить за мальчишкой.

– Prosím, jedno americano. Velké. S sebou¹².

Потомок удивил меня вполне сносным чешским. Удивил, потому что англоязычные иностранцы редко учат язык маленькой страны. Значит, мальчишка вполне мог захотеть остаться в Праге, тем более с таким наследством.

В кофейне жужжали десятки голосов, и все столики были

¹² Prosím, jedno americano. Velké. S sebou. (чеш.) – Пожалуйста, один американо. Большой. С собой.

заняты. Похоже, место слыло популярным. Дэн ждал заказ, нетерпеливо постукивая пальцами по стойке.

– Дэн? – окликнул совсем рядом голос, который я хорошо запомнила.

С зеркальной створки в одном из окон я не видела его обладательницу, поэтому пришлось прыгнуть в стекло витрины, за которым красовались торты и рулеты.

– Элишка? Как ты здесь... – растерялся Дэн, по виду совсем не испытывая радости от встречи.

Хотя, возможно, малец устыдился своей запыленной грязной одежды. Молодые люди этого века придавали слишком большое значение внешности. Лучше бы о душе думали. Атеисты, чтоб их.

Девушка, приятно улыбаясь, изобразила смущение.

– А я с подругой на кофе пришла. Рара Ре нравится Джене, вот она меня и затащила сюда.

– Ваш заказ, – невозмутимо перебили Элишку со стороны стойки.

Перед Дэном вырос огромный картонный стакан с кофе. Я мысленно ужаснулась тому, что юный Фауст заработает тахикардию раньше, чем послужит Повелителю. Мышонок быстро высыпал туда четыре стика тростникового сахара и, помешав, закрыл напиток крышкой.

Обернувшись, Дэн столкнулся со смуглой худой девушкой в стильных очках.

– Мистер Чейз? – удивленно протянула лингвист Джена

Хокс.

Мышонок ступешевался еще больше и неловко пожал протянутую узкую ладонь.

– Так это вы подруга мисс Черновой?

«А Дэн догадливый», – подумала я. Пришлось признать, что сообразительность – это семейная черта Фаустов. Вот только не верю я в подобные совпадения. Как-то близко они оказались «совершенно случайно» к дому и к тайнику.

– Да. Наши семьи знакомы, – снова мило улыбнулась Элишка.

От частых улыбок девчонки-актрисы у меня грозила разыгаться изжога. В то же время я уловила, как быстро она переглянулась с Дженой, лишний раз подтвердив мои подозрения, что встреча тщательно спланирована.

– А вы здесь гуляете? – спросила Хокс, блеснув ярко подведенными зелеными глазами. Она напоминала гадюку перед броском. Не хватало лишь высунутого раздвоенного языка меж ярко-красных губ.

– Я живу недалеко. Вернее, буду жить, – Дэн запутался с определением, не желая рассказывать о доме.

– Ходили смотреть новое жилье? – спасла его Джена, пряча ухмылку за чашкой кофе и делая большой глоток.

– Можно и так сказать, – согласился мальчишка и взял свой напиток. – Что ж, мне пора.

Дэн пытался спастись бегством, но не тут-то было.

– Слушай, а можно с тобой? – напрямик спросила Элиш-

ка, трогая его за локоть.

Дэн замешкался, а Хокс, воспользовавшись моментом, тут же сориентировалась:

– Ой, мне как раз нужно бежать на встречу. Совсем забыла. Дэн, вы меня очень выручите, если возьмете мою дорожную Эли с собой, а потом посадите в такси.

Голос Джены обладал каким-то гипнотическим эффектом, потому что даже я согласна была проводить приторную девку до дома. Я тряхнула головой, ощущая странное онемение во рту. Дэн по ту сторону витрины немного заторможенно кивнул и заказал еще кофе для своей спутницы. Джена развернулась к выходу. Проходя мимо зеркальной части окна, она ехидно скривила яркие губы.

Элишка с радостью приняла картонный стакан, и они вышли из кофейни. Я прыгнула следом, злясь, что мышонок стал каким-то ценным камнем, который все желали заполучить. Девка весело щебетала, пытаясь разговаривать Дэна. Тот же слушал, глядя себе под ноги, и хмурился. Нет, его не околдовали, вероятно, оглушили. И я начала догадываться, кто эти две девушки. Мне не нужно было видеть их метки, чтобы понять – передо мной ведьмы. Я много лет считала, что они почти все сгинули, а если кто из них и остался, то сидел тихо.

– Так это твой дом? – восхищенно спросила Элишка, изобразив узнавание.

Теперь мне стала понятна тошнотворная приторность и

мнимая влюбленность юной ведьмы в потомка.

Они остановились перед входной дверью дома номер пятьсот два. Дэн теребил ключи, будто не хотел пускать туда посторонних. Молчал, морщась и кривясь, словно от боли или зуда. Нехотя мальчишка проронил:

– Да, недавно стал. Длинная история.

– Расскажи, мне очень любопытно! – тут же воскликнула Элишка, вкладывая в свои слова приказ.

«Ну конечно, любопытно, маленькая дрянь!»

Я прыгнула внутрь, догадываясь, что ведьма все же добьется приглашения.

Стаканы с кофе Дэн поставил на столик, помогая Элишке снять пальто. Он отвернулся, чтобы повесить его, и тут девка ловко приоткрыла крышку одного стакана и бросила в напиток что-то похожее на комок земли.

Дэн вернулся, и Элишка, взяв свой стакан, отпила немного и отсалютовала им. Мышонок вспомнил про кофе и последовал примеру ведьмы, сделав глоток из своего. Вместе с кофе в его тело попало то, что подсыпала девка. Я и ведьма с интересом наблюдали за Дэном. Мальчишка сразу побледнел, глаза его заслезились, на лице появилась испарина.

– Дэн? Тебе плохо? Хочешь сесть? – тут же захлопотала девчонка.

– Да все нормально. Я почти не спал прошлую ночь, и день выдался тяжелым.

Элишка помогла ему дойти до софы. Когда Дэн присел,

его глаза тут же закатились, и он бы рухнул на пол, но ведьма вовремя подхватила его и почти уложила, оставив ноги на полу.

– Эй, рыжая! – издевательски позвала она. – Проявись! Я знаю, что ты смотришь. Вернее, чувствую.

Она приподняла край юбки, и под тонкой вязью чулок я увидела ведьмину метку – родимое пятно в виде полумесяца. Моим первым порывом было выйти и сожрать ее сердце, но я заставила себя не высовываться, чтобы Элишка разговорила.

– Думаешь, я не заметила тебя, когда целовалась с Дэном в костюмерной? – она сделала паузу, ожидая моего ответа, которого не последовало. – Ну, так закатай губу! Дэн наш, а ты останешься ни с чем.

Она достала из сумочки маленький пузырек, наполовину заполненный чем-то серым.

– Я не жила во времена пылающего Бамберга¹³, но многое знаю и до смерти ненавижу демонов, – ее карие глаза вспыхнули фанатичным блеском.

Ох, дорогуша! До смерти – это как раз твой случай!

– Появись-появись, рыжая! – звала она, но я осталась по ту сторону зеркала, скрестив руки и размышляя.

Ведьмам нужно что-то от Дэна или от его наследства?

Элишка присела к Дэну на софу, провела по его лицу ру-

¹³ Имеется в виду охота на ведьм в немецком городке Бамберг, одна из крупнейших европейских охот. Происходила в XVII веке.

кой. Рукой, в которой был перочинный нож. Лаская лезвием тело мальчишки, остановилась на его ладони и полоснула по ней. Кровь побежала тонким ручейком и закапала на паркет. Девка взяла пузырек с серым веществом и поднесла к ладони потомка так, чтобы капли крови падали прямо в сосуд.

Я заскрежетала зубами от бешенства, подавляя волны жара, которые выходили из моего тела, стремясь к зеркальной глади.

Спокойно, Лилит. Девочка молодая и глупая, специально провоцирует.

Чернова подождала еще немного и, видимо, посчитав количество крови достаточным, закупорила содержимое и взболтала. Кажется, теперь вещество в пузырьке можно назвать «ведьминской пылью». Впервые я услышала об этой субстанции в Бамберге.

«Тук-тук», – раздалось от двери. Элишка открыла, впустив Джэну. Хокс окинула взглядом холл гостиной и лежащего на софе Дэна. Ядовитая змеиная улыбка изогнула ее губы.

– Ты говорила, что в гневе она неопишимо кошмарна, – хмыкнула Элишка, поддев Джэну.

– Ты не знаешь, на что она способна. Хватит болтать! Запечатай зеркала и другие отражающие поверхности в доме, чтобы на нас не смотрели.

Дом выражал недовольство. Тени в углах становились все гуще, и свет будто потускнел. Особняк тяжело ворочался,

шорохами и скрипами общаясь с незваными гостями. Паркетные доски под ногами ведьм ходили ходуном, а на стенах, когда-то обшитых шелком, а сейчас перекрашенных, проступали демонические морды. Фауст говорил мне, что оживил дом, и сейчас я начала догадываться, как именно. Это не так сложно, если у тебя в кармане договор с Повелителем, а сам ты чертов гений, знающий, как укротить демона. Более того, доктор Иоганн умудрялся уговорить почти всякую вызываемую адскую душу служить ему.

Элишка тем временем взяла пузырек с ведьминской пылью, обмакнула туда указательный палец и стала рисовать заперещающий знак на всех стеклах и зеркалах.

Я прыгала по поверхностям, как заяц, петляя из одного стекла в другое, пока не оказалась в тупике. Но кому, как не мне, знать, что тупиков не существует, есть лишь ограниченное мышление. Поэтому я нагло перенеслась в единственное место, не помеченное знаком. В очки Джены Хокс. Шах и мат, ведьмы!

– Так. Я все, – отчиталась Элишка.

– Теперь самое трудное – найти тайники. За дело.

– Времени у нас только до утра, потом Дэниэль проснется, – нервничала Элишка, озираясь на каждый скрип и шорох.

– Знаю! – огрызнулась Хокс. – Нужно быть аккуратными и оставить все на своих местах. Потомок Фауста не должен ничего заподозрить! Он нам еще нужен. Ты поняла?

– Поняла!

Они методично обшаривали дом: простукивали половицы, стены. Раскладывали мебель, а потом снова собирали. Пытались даже попасть в верхнюю комнату, которая закрыта для всех, даже для меня. Ломать дверь ведьмы не стали, но подозреваю, что и не смогли бы – лаборатория стояла опечатанной сильными алхимическими знаками.

Дела в отеле требовали моего незамедлительного присутствия. Убедившись, что этой ночью они ничего не найдут благодаря защите дома, я с сожалением оставила столь приятное взгляду издевательство над ведьмами и поспешила на зов Повелителя.

Дэн

Открыл глаза. Очертания предметов плыли и никак не хотели собираться в цельную картину. В голову будто капнули кислоты, которая разъела мозг, оставляя лишь пульсирующую боль. Надо мной появилось чье-то лицо. Сфокусировав взгляд насколько это было возможно, я увидел Элишку. Ее бледное личико с хмурой складкой на лбу выглядело встревоженным.

– Привет! – нежно промурлыкала она и улыбнулась.

– Привет! – мой собственный голос прозвучал шорохом сухих листьев.

Чернова тут же протянула мне стакан с водой. Я жадно выпил, сразу ощутив себя живее, чем минутой назад.

– Я волновалась. Тебе вчера стало плохо. Ты отключился, поэтому я решила остаться и в случае чего вызвать скорую.

– Прости, не знаю, в чем дело. Я заснул, словно в яму провалился. Голова раскалывается.

Элишка медленно протянула руку и нежно обвела контур моего лица прохладными пальцами, вызывая толпу мурашек. Она придвинулась ближе, и я вдохнул полные легкие ее сладкого аромата. Желудок трепыхнулся, и к горлу подступила тошнота. Если бы не плохое самочувствие, я сгорал бы от желания сжать ее в объятиях и повторить то, что мы делали в костюмерной.

– Ох, сколько уже времени! – спохватившись, воскликнула Элишка.

– Черт, съемки!

Пошатываясь, я встал, чувствуя себя до омерзения больным. Взглянул на часы – почти семь утра. Схватился за голову, пережидая приступ пульсирующей боли в голове.

– Дэн, подожди, у меня где-то валялся аспирин, – она потянулась к сумке, лежащей на полу возле софы. Достала белую пластиковую упаковку. Элишка наполнила водой стакан и бросила туда шипучие таблетки.

– Вот, держи. Надеюсь, поможет.

Она игриво провела пальчиками по моему лбу, убирая непослушные волосы. Выпив лекарство, я смутился, вспомнив о том, что вчера довольно долго лазил в одежде под пыльной лестницей.

– Пойду, найду душ или ванную. После поедем на «Баррандов».

Я неуклюже сбежал в коридор, а уже с лестницы крикнул:

– Тебе, может, нужно заехать домой?

– Я могу принять душ после тебя, – девушка неожиданно оказалась за моей спиной, и я невольно вздрогнул. Ее руки скользнули по лопаткам, обвивая плечи подобно лианам. Элишка прижалась ко мне сзади. – Или вместе с тобой...

Моя кожа покрылась мурашками оттого, что девушка коснулась губами моей шеи. Пульс отдавался где-то в горле, я облизал резко пересохшие губы.

– Тогда мы точно опоздаем, – мой голос охрип.

Я мягко отвел ее руки, поцеловал обе ладони. И тут заметил свежий порез на своей.

– Я быстро, – с сожалением пробормотал и покинул Элишку.

Поднявшись на второй этаж, я очутился возле ряда дверей: две вели в спальни, еще одна в кабинет с библиотекой, а третья оказалась современной ванной. Не знаю как, но за домом ухаживали, и ремонт здесь был сделан добротный. На третий этаж я не стал подниматься, решив исследовать его после рабочего дня. Особняк пах по-особенному хорошо. Когда воздух из открытого окна немного разогнал пыль, я почувствовал ароматы сандала, какой-то кислинки, похожей на лайм, и недавно сгоревших спичек. Последнее казалось совсем абсурдным, но тем не менее эта смесь мне нравилась.

Может, плюнуть на квартиру и переехать в дом? Он ведь мой. Странно, что я его боялся поначалу.

В душе не нашлось ни мыла, ничего. Да и откуда ванным принадлежностям взяться в пустом доме? Постояв под горячей водой, я нехотя вылез. Порез на ладони саднил от соприкосновения с водой. Откуда он вообще взялся? Боль отпустила голову, и настроение стремительно улучшалось. Вместо полотенца, которое только предстояло купить, я вытерся своей футболкой и просунул мокрую голову в ворот толстовки, оставляя на горловине капли воды.

В голове крутились вчерашние события. Непонятный Орден, разнюхавший, что я ищу тайник. Ба наверняка знала о них, не могла не знать. Черт! Шифр. Уилл Крамер говорил о шифре, который использовало тайное общество. Те люди, что приходили ко мне, представились ватиканским Орденом. Нужно скорее найти тайник, возможно, он поможет мне понять, во что я ввязался.

Снова вспомнив про съемки и Элишку в гостиной, я ускорился. И через пару минут спустился к ней. Солнце пробралось через окна в холле и обняло лучами лицо Черновой, делая его фарфоровым. Каждая черточка осветилась, вырисовывая естественную красоту. Я забыл, как дышать, и не мог отвести глаз. Желание целовать розовые губы, чуть потрескавшиеся оттого, что она постоянно их прикусывала, было настолько сильным, что я невольно зажмурился, пытаюсь побороть его.

– Элишка, там... – я спустился в гостиную, а она тем временем снимала свитер, оставаясь в тонкой маечке. – Там полотенца нет.

– Ничего, я все равно не прочь постоять под горячим душем.

Она легко взбежала на второй этаж, и оттуда донеслось:

– Кстати, посмотри входящие. Съёмки на сегодня перенесли в город. Погодный коридор маленький.

Я прочитал сообщение от ассистента. Весь день решили работать возле главного вокзала. Улицы перекрыли час назад, реквизит уже начали устанавливать, актеры и массовка должны прибыть вовремя. Нужно торопиться. Чернова справилась за пару минут, и, выйдя, мы направились к машине.

– Дэн, расскажи про дом.

Эли шагала рядом, жмурясь от солнца. Цвет ее ореховых глаз теперь казался ярче и переходил в зеленый. Я открыл для нее пассажирскую дверь и, когда выехал со стоянки, засмеялся:

– Что именно ты хочешь узнать?

– Все! Вчера тебе было нехорошо, но сегодня я жажду услышать подробности. Он твой? Ты снимаешь? Или дом принадлежит киностудии?

– Дом мой, получил его в наследство совсем недавно. Вчера впервые туда вошел.

Элишка удивленно ахнула.

– Вау! Это круто. Дом Фауста очень красивый и дорогой.

Я немного насторожился. Элишка пару дней назад ничего не знала о Праге, но сейчас говорит, что знает про дом номер пятьсот два на Карловой площади. Видимо, что-то отразилось на моем лице, и девушка поспешно добавила:

– Утром я зашла в гугл. Было интересно узнать про роскошный особняк, в который ты меня пригласил.

«Ну, скорее, ты сама попросила», – подумал я, а вслух ответил:

– Эм-м. Да, старый дом с историей, и я пока еще не знаю, что с ним делать.

– Как что? Продай! Уверена, он стоит прилично. Купишь квартиру в спальном районе, если захочешь остаться в Праге. И еще на безбедную жизнь хватит. В любом случае это огромные деньги, и думаю, тебе будет не слишком уютно жить в особняке в шумном центре города. Плюс его нужно содержать, убирать и тому подобное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.